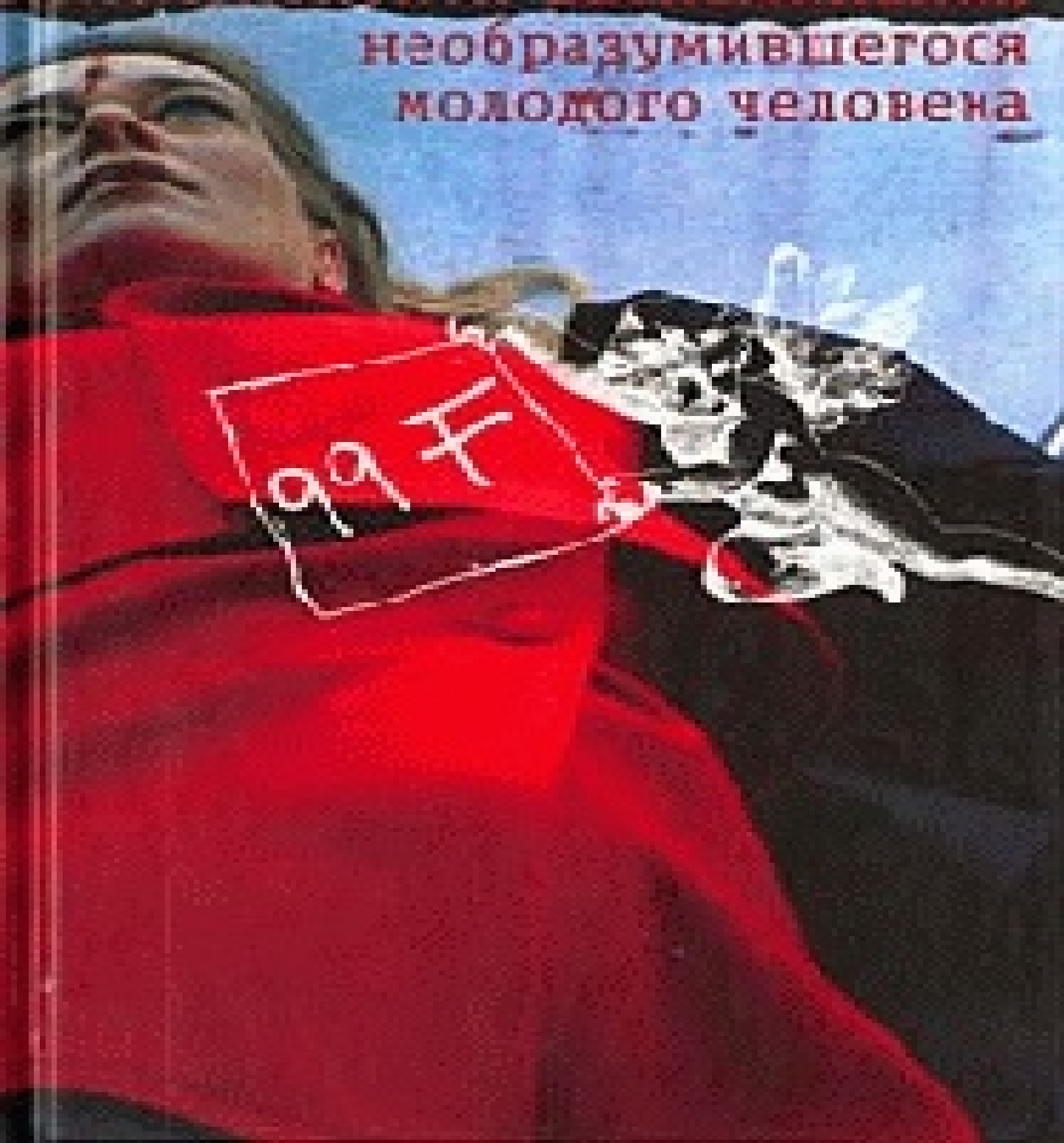

Фредерик Бегбедер
Воспоминания
необразумившегося
молодого человека

- [ФРЕДЕРИК БЕГБЕДЕР.](#)
 - [Часть первая. Глумливые паяцы](#)
 - [Часть вторая. Уходящие поезда.](#)
 - [Часть третья. Обманчивый рай](#)
 - [Часть четвертая. Тихие дни в Нейи](#)
 - [Часть пятая. От пустоши до буквы](#)
-

ФРЕДЕРИК БЕГБЕДЕР. ВОСПОМИНАНИЯ НЕОБРАЗУМИВШЕГОСЯ МОЛОДОГО ЧЕЛОВЕКА

*Смена радости и муки,
Ликования и раскаяния,
Отбивайте ритм
В такт биения сердца.
Это первая танцевальная мим-драма,
Станцуем же бостеллу!*

Оноре Бостель «Бостелла» (Баркли 72648)

Для дивной Дианы, что живет близ Моссана.

Часть первая. Глумливые паяцы

В те времена все было великим. Мы проводили дни в высших учебных заведениях, а ночи – в великолепных квартирах. У нас были высочайшие ценности, величайшие надежды и великовозрастные друзья. Прилагательными, которые чаще всего вертелись у нас на языке, были «грандиозный», «громадный», «огроменный» и «здоровенный». Да мы и сами-то тогда, наверное, еще не выросли до конца.

Одни великие люди отдавали приказы о великом строительстве, другие – чуть правее на карте Великой Европы – руководили великими преобразованиями. Нашим великим духовным подъемам угрожали великие эпидемии.

И мы здорово боялись, как бы все это не обернулось для нас скверно.

Поэтому-то нас манила жизнь малоимущих.

Помню, в те времена мы много тусовались. Бывали дождливые вечера, когда друзья приходили и уходили. Иногда бывали вечеринки – и девушки, дышавшие полной грудью. Было отчетливо видно, как воздух попадает в их легкие, распирает грудь и выходит через ноздри. Была мода на клетчатые рубашки и мода на постмодернистский нигилизм. В гостиной была ваза с тюльпанами, а на столе – разделочная доска с толсто нарезанной колбасой.

В общем, жаловаться было не на что.

И был такой Марк Маронье.

Марк Маронье был ростом 1,84. Марк Маронье весь день напролет жевал желтые конфетки-малабары. Марк Маронье просыпался в полдень. Марк Маронье по четным дням влюблялся, а по нечетным жаждал умереть. Марк Маронье деликатно макал спаржу в специально для этого предназначенный соус из взбитых сливок.

Марк Маронье душился ароматом «Жики» от Герлена и ежедневно начищал ботинки. Марк Маронье читал Ромена Гари и Сан-Антонио. Марк Маронье совершал поездки в Индию и Швейцарию. Марк Маронье пил с приятелями виски, а с девушками бордо. Марк Маронье танцевал чарльстон на кровати. Марк Маронье изображал из себя денди, но не мог удержаться, чтобы при всем честном народе не поковырять пальцем в носу.

Марк Маронье обожал реки, протекающие через большие города: Темзу, Волгу, Рону, Дунай, Бьевр. Марк Маронье безостановочно рассказывал о своей кошке. Марк Маронье слушал рэп. Марк Маронье говорил, что ненавидит китч, но частенько находил прибежище во

вторичности. Марк Маронье никогда не мог поймать такси и всегда опаздывал на встречи. Марк Маронье был невыносим.

Марк Маронье ездил по святым местам: Сен-Жан-де-Люз, Сан-Доминго, Сен-Вандрий. И в этом не было ничего католического. Марк Маронье не был столь религиозен. Он даже не знал, правый он или левый. Он писал правые статьи в левые газеты и наоборот. Может, Марк Маронье был предателем. Его инициалы означали марку драже, которые тают во рту, а не в руках.

Марк Маронье любил всех на свете.

Марк Маронье обладал отвратной физиономией.

Уж я-то знаю, потому что Марк Маронье – это я.

Да, меня зовут Марк Маронье, как дерево. Мне 24, время – 2 часа 10 минут пополудни. Цифры и буквы – вся жизнь человека сводится к ним. Жизнь – это череда телевизионных игр: сперва «Поле чудес», потом «Колесо фортуны», а затем, если все складывается удачно, «Кто хочет выиграть миллион?».

Итак, мой рост 1,84 метра при весе 58 кило; можете себе представить, какой я худой. По сравнению со мной любой боксер полупрофессионального веса – просто борец сумо. В обнаженном виде я вызываю в людях сострадание и жалость. Мои кости видны столь же отчетливо, как на скелете с медицинского факультета. Тем не менее я много ем. Похоже, дело тут в усвояемости пищи. Но вряд ли мне пристало на это жаловаться: рахитизм сейчас в моде, и я пользуюсь этим повсюду.

Что касается моего лица, то оно более необычно. Так уж вышло, что у меня два носа: один, как у большинства людей, расположен над ртом посередине моего лица; если не считать его бержераковских размеров, в остальном, надо признать, он весьма банален. Оригинальность придает мне второй нос. Он находится у меня под нижней губой в том месте, где у нормальных людей подбородок, независимо от того, прямой он или скошенный. Этот второй нос, едва не давший название сему труду (я немало вдохновлен творением Симоны де Бовуар), не что иное, как подбородок, в просторечии называемый «выдающийся». То есть разновидность моего носа можно определить как «Canada Dry»: он имеет форму носа, цвет носа, но не дышит, лишен ноздрей, а стало быть, редко бывает соплив. По правде говоря, этот весьма выдающийся подбородок совершенно бесполезен. Он не мешает, но и не дает преимуществ. Я не получаю от него никакой практической выгоды. Это самая ненужная часть моего тела вместе с мизинцами ног. И все же я ни за что на свете с ним не расстанусь. Вспомните опять же Сирано: «Еще прекрасней это, коль

бесцельно» (последний акт). Эта фраза Ростана частенько служила мне аргументом против пластических хирургов, которые охотно принимали мой нос за поле эксперимента для своих скальпелей.

Возможно, с возрастом мои два носа будут иметь тенденцию к взаимному сближению, подчеркивая, таким образом, мою хмурую натуру, которую я усердно стараюсь гнать в три шеи. Одна из наисерьезнейших проблем, которые меня беспокоят в жизни: встретятся ли в конце концов мои нос и подбородок? Есть люди, которые ужасно боятся смерти, Бога или вылета марсельского «Олимпика» из полуфинала Кубка Европы. Я просто смеюсь над ними! Мой личный саспенс гораздо острее, он прямо у меня на роже, это морфопсихоз!

Вообразите себе высокого худощавого парня с двумя носами, и у вас будет довольно точное представление о герое сего романа. После этого уже никто не сможет обвинить меня в том, что я приукрашиваю себя в собственных произведениях.

Марк Маронье любит повеселиться. На самом деле это не его вина: вокруг него все только и думают, как бы развлечься, кроме того, ему самому всю жизнь твердили, что веселье – прежде всего. Иногда, конечно, попадаютса дурацкие вечеринки, но ему никогда не приходит в голову пропустить хотя бы одну из них. В выборе между хорошей книгой и пригоршней конфетти он не станет долго раздумывать, и вскоре мы уже видим, как дождь этих мелких кружочков мягко сыплется на его блейзер вечного студента.

Конечно, у него имеются и другие интересы, которые он культивирует. Например, он коллекционирует комиксы Жака де Лусталя и диски Серджио Мендеса.

С другой стороны, он закончил факультет политологии и немного изучал право. Было бы преувеличением сказать, что Марк Маронье закончил университет только для того, чтобы успокоить родителей: его длительное пребывание в сферах высшего образования объясняется главным образом нескрываемым желанием оттянуть вступление в Большую Жизнь. Остерегайтесь людей, обремененных многочисленными дипломами: по статистике, это самые большие лентяи.

Тем не менее в один прекрасный день Марку Маронье пришлось начать работать. Поскольку он все чаще и чаще ходил по тусовкам, в конце концов он начал описывать свои похождения в различных журналах на мелованной бумаге. Вот так, нежданно-негаданно превратившись вдруг в ведущего светской хроники, ему удалось сделать из своих пристрастий профессию. Не это ли называется «совмещать приятное с полезным»?

После переходного возраста наступает переход в высшее общество; после «Микки Маус Клуба» – общество клубных покемонов. Едва выйдя из возраста одиночества и угрей (одно редко обходится без другого), он безо всякого перехода попал в общество самых поверхностных людей, каких только можно себе представить, – в круг бомонда. Посещая всё, начиная от безмоторных ралли до бестормозных пьянок, он быстро приобрел основные навыки держать себя в светском обществе, первое правило которого – изображать.

Изображать остроумие, изображать веселье, изображать любовные приставания. Стоит правильно выдержать роль в подобном фарсе, и ты готов к тому, чтобы с необходимым равнодушием встретить лицом к лицу любое бедствие. Марк жалел тех, кто не выдержал такой тренировки: им всю жизнь придется быть Настоящими. Какая скука!

Постепенно театр его жестоких развлечений расширился до послеполуденных тусовок, послеполуночных вечеринок, послевернисажных коктейлей, послепро-вальных банкетов, послесвадебных балов, послеинаугурационных торжеств, послеэкзаменационных загулов и послепраздничных завтраков. Он стал специалистом, с которым регулярно советовались, чтобы узнать, где следует бывать и в котором часу. При таком образе жизни родительских карманных денег было уже недостаточно, и он стал продавать свои знания в газеты. Так что в то время, как все остальные гости просто напивались, Марк пил оправданно: его присутствие среди этих людей было оплачиваемо. Удобное лицемерие: но надо быть осторожным – одна фальшь подчас скрывает в себе другую.

Если Марк и допускал, что жизнь может быть праздником, то никогда особо не верил в то, что праздник может стать достойным заполнением жизни. Как мы вскоре увидим, он ошибался лишь наполовину.

– Дерьмо собачье! (Здоровенная оплеуха по левой щеке.)

– Ты мне за это заплатишь! (Удар головой по носу.)

– МРРРААЗЬ! (Удар ногой по яйцам.)

– Сдохни! (Табуретом по зубам.)

– Убью, гнида! (Кофейником с кипятком в лицо.)

Мы с Жан-Жоржем часто не сходимся во мнениях.

Жан-Жорж мой лучший друг, если такие вообще существуют. Но он же мой злейший враг – одно другому не мешает. Он живет один в огромном частном особняке, в котором ему разрешил пожить его старый шотландский дядюшка. После многочисленных попыток покончить с собой, которые, как я подозреваю, невольно оказались несостоявшимися,

Жан-Жорж решил избавиться от скуки по-другому. Вот так он и стал самым большим прожигателем жизни в Париже, завзятым выпивохой, отъявленным наркоманом, а главное – самым забавным парнем, какого я когда-либо встречал. Скажем прямо, у него есть свои недостатки и свои достоинства. Даже в самых банальных вещах всегда есть зерно истины.

Впервые я увидел Жан-Жоржа в «паровозике» из шестидесяти человек. Это было в «Опера-Комик» во время одной из тех благотворительных гала-вечеринок, когда народ за бешеные деньги обжирается в пользу обездоленных. (Впрочем, в этом нет ничего предосудительного: напротив, эта благотворительность обладает тем достоинством, что она не так лицемерна, как другие, и к тому же гораздо веселее.) Я заметил в этом хвосте какого-то чудака в длиннохвостом фраке, который подзадоривал гостей. Мало-помалу ему удалось втянуть их в кутерьму вокруг столов, ритмизованную звуками цыганского ансамбля. Он во все горло распевал «па-ро-во-зик» во главе длинной змеи, состоящей из хлопающих в ладоши людей, среди которых я заметил трех действующих министров, двух магнатов международных пресс-агентств и семь топ-моделей высочайшего полета. Я бросился им вслед. Народ визжал от смеха, вовсю проявлял великодушие, забрасывал вееры и шляпы на балконы. К сожалению, как и любое безумие, это продлилось недолго, и постепенно цепочка стала расползаться. Каждый вернулся на свое место, и через минуту Жан-Жорж остался один посреди фойе «Опера-Комик» петить и хлопать в ладоши. Любой другой – я, например, – немедленно бы убежал и спрятался где-нибудь за колонной, чтобы дать рассеяться смехотворному впечатлению. Но Жан-Жорж и не подумал убежать. Он забрался на стол и начал выступать перед собравшимися, попутно опрокидывая бокалы с шампанским, облобызав корсаж одной престарелой герцогини, перелетая со стола на стол, как демон. Наконец он приземлился обеими ногами прямо в мою тарелку. Рубашка моя оказалась заляпана соусом от гусиной печени, и моя соседка больше не обменялась со мной ни единым словом. Вот так мы и познакомились, хотя это почти все, что я могу вспомнить о том вечере.

В дальнейшем я так и не привык до конца к выходкам этого субъекта. На самом деле в его особняке не было ничего особенно примечательного, если не считать того, что он несколько смахивал на испанский молодежный хостел: у Жан-Жоржа постоянно ночевали человек десять парней и девчонок, и я предпочитал не вникать, чем они там занимались. Этот дом по праву мог называться особняком, хотя «частный сквот» тоже звучало бы неплохо. Когда вы приходите к Жан-Жоржу, он встречает вас с неизменным

радушием: если вам хочется пить, он принесет водички, если голодны – откроет холодильник, если у вас какие-то другие желания – он сделает все возможное, чтобы вы были довольны. О некоторых из вечеринок в его доме у меня навсегда останутся самые лучшие (и самые худшие) воспоминания, но мало-помалу я стал предпочитать общаться с Жан-Жоржем в других местах. У себя дома он никогда не был полностью естественен. А может, был естественен чересчур.

По ночам люди не потеют, они истекают потом. У них грязные руки, черные ногти, красные щеки, спущенные чулки, перекрученные галстуки. После часа, проведенного в ночном клубе, самую красивую девушку не отличишь от бармена. И как я мог так часто тусоваться?

Иногда вечером, вернувшись домой, я в шутку подсчитывал выпитое за ночь. Семь виски, бутылка бруйи, еще семь виски (из любви к симметрии), две стопки водки, полбутылки попперса и две таблетки аспирина – в целом, неплохо. К счастью, чтобы заснуть, у меня был Густав Малер.

Может показаться, что я ругаю те времена, но это не так. То были прекрасные минуты: жизнь казалась не такой тяжелой. Со стороны это невозможно понять.

Теперь я уже знаю, что мне никогда не совершить кругосветного путешествия, никогда не занять первого места в хитпараде Топ-50, никогда не стать Президентом Республики, никогда не покончить с собой, никогда не быть захваченным в заложники, никогда не подсесть на героин, никогда не стать дирижером оркестра, никогда не быть приговоренным к смертной казни. Теперь я уже знаю, что умру естественной смертью (пережрав гамбургеров).

Мы стали глумливыми паяцами в штанах. Именно Жан-Жорж нашел это выражение в какой-то из книг Джека Керуака. Оно нам подходило, несмотря на то что глумились мы не всегда будучи в штанах, а наше паясничанье не всегда бывало глумливым. Люди не могут без ярлыков, и этот был не хуже любого другого.

Чтобы привлечь внимание, мы собрали вокруг себя банду веселых прожигателей жизни, которые (без нашего ведома) присвоили наше название. Но может статься, что прославились мы случайно. Основным нашим занятием было веселье; в остальное время одни работали, большинство отсыпались, все набирались сил.

Регулярная практика загульных вечеринок привела нас к тому, чтобы выработать своеобразный профессионально-этический кодекс, заключавшийся в четырех золотых правилах. Во-первых, удавшийся

праздник – это праздник импровизированный; во-вторых, непременно должна присутствовать атмосфера контраста; в-третьих, девушки – это два кормящих соска всей вечеринки; в-четвертых, у прожигателей жизни нет никаких правил. Последние две заповеди были изречены ПОСЛЕ ужина; этим объясняется их поэтичность.

Однажды вечером мы с Жан-Жоржем смотрели телевизор. Там была передача об алкоголизме. Какой-то писатель рассказывал о пагубных последствиях, которые он испытал в своей жизни из-за алкоголя: жена от него ушла, талант тоже куда-то улетучился.

– Тебе сколько льда в виски? – спросил меня Жан-Жорж.

По-моему, этот анекдот дает представление о том, насколько осмысленно глумливые паяцы готовились встретить свою судьбу.

В то время я еще не успел подсесть на наркотики. Я неумеренно потреблял все мыслимые и немыслимые коктейли, но ни разу так и не вкусил плодов искусственного рая. Этот недостаток происходил вовсе не от отсутствия любопытства: я пробовал курить травку, но непроизвольные приступы кашля сводили мои усилия на нет; что же касается различных порошков и пилюль, которыми обменивались мои друзья, то когда я видел это, у меня создавалось впечатление, будто я опять в школе, на уроке химии г-на Казобона (кстати, привет ему). Моя элитарность не выходила за рамки алкоголизма. В те времена кокаиновые дорожки еще не достигали моих бледных ноздрей, а единственные внутривенные уколы, которые я знал, имели целью уничтожение не окружающей действительности, а полиомиелита.

Глумливые паяцы были людьми богатыми, но щедрыми. Это был союз пьяных студентов, бородатых искусствоведов, сиротливых папенькиных сынков, американок, одной из которых довелось немало помотаться по миру, молодежи, охочей до экспериментов, стариков в поисках свежей крови, манекенов, ищущих свои витрины, туристов, случайно встреченных на Елисейских полях; там были пары влюбленные, пары разбитые, пары зарождающиеся, пары одинокие и пары спаренные. Глумливые паяцы были веселы до слез и злобно милы. Глумливые паяцы – это были мы, и лучше либо присоединяться к нам, либо идти своей дорогой.

С наступлением ночи глумливые паяцы выходили на улицу и встречались друг с другом в барах. Они заказывали вина, болтали с девушками, критиковали их женихов, громко ругались матом, заказывали пиво, ели бутерброды с печеночным паштетом, пили часами, потом выходили писать на улицу, произнося что-то вроде: «Что за дерьмо эта сучья говенная жизнь», или: «Девушки – плод наших фантазий, они, как

ангел и, гуляют по радугам наших грез».

Далее их занятия были самыми разнообразными: либо это были вечеринки, либо ночные клубы,— но утро неизменно заставляло каждого на своем посту: кого без сил лежащим в канаве, кого в роскошном номере отеля, кого в машине, кого в комиссариате полиции. В один прекрасный день они остепенятся, купят себе антикварной мебели и воскресными вечерами будут ходить играть к друзьям в теннис. Но в те времена в распорядок дня это не входило.

А пока глумливые паяцы мечтали о жизни на залитых солнцем яхтах, где, развалившись в шезлонгах, они будут попивать клубничные дайкири в обществе молоденьких киноактрис. А кто-то рисовал себя в нью-йоркских трущобах суперпопулярным бездомным писателем, погрязающим в кокаиновых пати в Городе Алфавите. Мечтали о беззаботной жизни, когда не нужно идти на работу, не нужно возвращаться домой, не нужно смотреть телек. Мечтали о жизни буржуазных паразитов, шикарных террористов, пенсионеров. Они представляли себя Бони де Кастсланом в Розовом Дворце, Джоном Фанте в Пойнт Дьюмс, Корто Мальтезе в апельсиновых садах Мескиты в Кордове, Патриком Модино в «Отель дю Пале» в Биаррице, Джо Далессандро в «Фабрике», Алексисом де Ред в Феррьер, Четом Бейксром в Риме, Хельмутом Бергером на Сан-Бартельми, Антуаном Блонденом в Рубенсе, Чарльзом Хаасом в «Жокей Клуб», Аленом Пакади в Паласе, Морисом Роне в Люксембурге или Джо Рамоном в «С.В.С.В.».

Все было дозволено, стоило лишь поймать такси и с улыбкой бормотать себе под нос: «направо, налево». Вы засыпали на заднем сиденье, а просыпались в Самарканде или в гренадской Альгамбре. Девушки, отдаленно смахивающие на персианок, дарили букеты священных цветов, и вы с ними пели всю ночь напролет. Или вы оказывались в Берлине: грязный гостиничный номер, опрокинутые на ковер липкие стаканы, переполненные пепельницы, книги Кастанды и шприцы под языком...

Они метались между идеалом сверхкомфортабельной жизни и навязчивой идеей аристократов не иметь ничего, чтобы обладать всем. Они выбивались из ритмов времен. Они не стали бы стилистами в сороковых, экзистенциалистами в пятидесятых, йе-йе в шестидесятых, хиппи в семидесятых, юппи в восьмидесятых,— но в канун миллениума они были воплощением всех их вместе взятых. Каждый день недели соответствовал какому-нибудь десятилетию. Понедельник — контрабанда, светомаскировка, джазовые подвалы. Вторник — кабриолеты, широкие галстуки, короткие стрижки. Среда — песни на ветру, черные носки, «Карнаби Стрит». Четверг

– индийская конопля, жизнь в общине, коммунизм. Пятница – сплин современности, воротники «йорк», изоляционная капсула. В выходные они пытались осуществить невозможное: быть самими собой, чтобы завершить, как сказал кто-то, сей переполненный век.

К несчастью, для них была невыносима печальная молодежь наших времен, мучительная пустота ее жизни, ее плачущий голос, ее мрачная новая волна, ее банальные речи, ее ностальгический стиль одежды. К счастью, среди их почитателей еще осталось несколько старых хренов. К несчастью, эти старые хрены без конца поучали. К счастью, глумливые паяцы состарятся раньше времени. К несчастью, это решит проблему.

«Смена радости и мук». Жизнь казалась шопенгауэровской бостеллой. Когда все шло прекрасно, мы пускались в пляс, борясь с унылостью счастья. Когда все шло плохо, мы ложились на землю, засыпая на его обломках. В эпоху музыки хаус бостелла – этот лоскутный пэтчворк, нарезанный из старых хитов Джеймса Брауна, Отиса Реддинга, Джорджа Клинтона, Слая Стоуна, – представлялась чем-то символическим. Ибо весь мир превратился в хаус-пластинку, водоворот времен, культур, языков, людей и жанров, сквозь который пробивались крики «ууу-йе» Лин Коллинз. Мы живем в эру Всемирного Сэмплинга, Коллективного Мегамикса, Беспрерывного Заппинга. Это было бы не так уж и плохо, если бы только кто-нибудь сказал нам, КТО тот ди-джей, что ставит пластинки!

Бостелла же не была отражением общества, она предлагала образ жизни в двух темпах: аллегро и ламенто, чередующихся до изнеможения. Хаус был констатацией, бостелла – борьбой. Хаус был современным танцем, встроившим в себя элементы прошлого; бостелла была танцем прошлого, применимого в современной жизни.

Глумливые паяцы предпочитали развлекательный синусоидный ритм плоскому электрическому биту.

Когда я впервые увидел Анну, она лежала на полу вся в крови. Слава Богу, она отделалась только несколькими царапинами, но бомба разорвалась совсем рядом: если быть точным, в отделе «книги по искусству». К счастью, в то время я интересовался исключительно порнокомиксами, а Анна листала политические эссе модных журналистов. Наше бескультурье спасло нам жизнь.

Очевидно, всех повалило на пол взрывной волной. Со всех сторон слышались вопли; обрубки рук и сорбоннских профессоров размазаны по стенкам; и Анна смотрит в потолок, а я смотрю на Анну. Помнится, я счел ее мертвой и пожалел,

что вокруг нас столько пожарников, – думаю, если б не эти

обстоятельства, я бы непременно воспользовался ситуацией. Труп Анны меня соблазнял.

До больницы мы не обменялись с ней ни словом.

– Как думаете, долго они нас продержат?

– Не знаю, но меня это уже достало, потому что моя машина припаркована во втором ряду у магазина.

Никто так и не взял на себя ответственность за теракт, а полиция так и не нашла террористов, – жаль, я никогда так и не узнаю имен своих благодетелей. Уж я бы ни за что не стал требовать с них 471 франк за стоянку, Боже упаси.

Долгими ночами, сменявшими короткие, как хорошая шутка, дни, я думал о той встрече с Анной во время теракта. Эта девушка завладела моими мыслями. Она меня раззадоривала, расцвечивала, раздражала изнутри. Я проклинал себя за то, что изображал джентльмена и не попросил у нее номер телефона. Увижу ли я ее когда-нибудь? Мне казалось, что после нашего знакомства при столь нелепых обстоятельствах у меня слишком мало шансов встретиться с нею вновь. Как же я ошибался. По правде говоря, взрыв оказался наиболее спокойной обстановкой, в которой я когда-либо ее видел.

Очень скоро я услышал о ней от глумливых паяцев. Надо сказать, я весьма красноречиво расписывал наше приключение. Я полагал, что если буду рассказывать эту историю на каждом углу, в конце концов нападу на какой-нибудь след. Кое-что я менял, кое-где подбавлял героики, более подлинной, чем был. Стоит чуть-чуть отклониться от правды, и тебя уносит в такие дебри. У одних и тех же людей одни и те же разговоры. Так что я предпочитал подавать свою жизнь под собственным соусом. До того самого вечера, когда какой-то тип с двойным подбородком расхохотался мне в лицо:

– А! Так это вы плетете черт знает что о моей дочери! Она просила передать вам, что это она отнесла вас в машину «скорой помощи», а не вы ее!

Этот милейший человек полагал, будто наносит мне оскорбление; на самом же деле подарил мне счастье. Отныне я знал, где ее искать. Это стоило мне бутылки бурбона: за папашиним галстуком в горошек скрывалась поистине луженая глотка. Но цель оправдывает средства, не так ли?

Досада была в том, что в то время я жил не один. Прослужив мне верой и правдой целый год, Виктория наконец поселилась у меня, и я уже привык к ее присутствию. Мы представляли собой то, что называется

молодой динамичной парой, то есть две наши эгоистические сущности дополняли друг друга, а наша духовная леность сближала нас в достаточной степени. С моей стороны было бы ложью утверждать, что я никогда ее не любил; лучше сказать, моя первоначальная склонность, вопреки моим надеждам, не разрослась, а, напротив, уменьшилась с течением времени под ударами разочарований и испытаний, которым жизнь подвергает романтические души. Таким образом, все наши отношения оказались сведены к симуляции, в том числе и в постели. Наша любовь превратилась в нечто вроде бодрийеровской голограммы. Модно, но не слишком поэтично: в общем, мне больше нравится «Право первой ночи». (Я предпочитаю «Солаль» соллипсизмам.) Виктория курила «Мальборо лайт», пила кока-колу «лайт» и трахалась тоже по облегченной программе (парадоксально, но она всегда выключала при этом свет).

Как бы то ни было, Виктория была ходячим укором. Какая расточительность с моей стороны: она была красивой, стройной, снобистской душой из хорошей семьи, к тому же наследницей миллионного состояния, измеряемого в фунтах стерлингов. При этом только и делала, что разбазаривала родительские денежки и расточала направо и налево энергию своей молодости. Каждый вечер она выходила из дома и никогда не задавала вопросов, если я возвращался позже нее. Ее отец был владельцем квартир во всех крупных столицах: в Лондоне, Нью-Йорке, Банжуле, Токио и Багама-Мимозе. Это не считая фамильных резиденций. По количеству загородных домов вместе с ней мы могли бы заявить о себе в Книгу рекордов Гиннесса.

И зачем только я запариваюсь на всякие принципы? Это было выше моих сил: я чувствовал, что час расставания близок. Мне хотелось влюбленности. Какая-то прихоть, какая-то нездоровая фантазия подталкивали меня к тому, чтобы разорвать нашу безобидную связь. Что-то подсказывало мне: Анна не осуждает прощальные капризы. У меня было достаточно времени, чтобы жениться на богатой наследнице; но теперь я предпочитал прислушаться к зову сердца.

От наших отношений с Викторией у меня остались воспоминания лишь о жратве. Мы провели целый год в ресторанах. Раньше, чтобы соблазнить женщину или чтобы удержать ее, надо было пригласить ее в театр, в оперу или прокатить на лодке по озеру в Булонском лесу. Ныне же театры сидят на дотациях, оперы играют в тюремных декорациях, а Лес заметно подрастерял былое очарование. В наше время необходимо выдержать испытание Рестораном. Вы вынуждены наблюдать, как предмет вашего сердца жует телячьи почки, как героиня ваших грез решает, съесть

ли ей кусочек камамбера или четвертинку свежего, тающего бри, вынуждены слушать, как у небесной красавицы урчит в животе. Утробное бульканье заменяет звук поцелуев, стук вилок подменяет собой признания в любви.

Что остается, когда любовь умерла? Желудочные воспоминания. Глория напоминала мне клубничный торт со взбитыми сливками «Шантийи», Леопольдина чуть не подавилась дынным семечком, Маргарита напивалась вдрызг с трех бокалов тавеля. Прощайте, каватины! В итоге от Виктории у меня остались только неудобоваримые воспоминания.

Поначалу мне казалось, что любовь усиливается. После нескольких разочарований я понял, что она ослабевает.

Возможно, существует и третий вариант. Более-менее обоюдная любовь с первого взгляда может преобразоваться в длительную страсть при условии, что она будет подпитываться совместными путешествиями, возлияниями и беспричинными семейными сценами.

Таким образом, математическая точность оказывается неприменима для анализа чувств.

В конце концов я снова встретился с Анной. Я притворился, будто наткнулся на нее случайно; на самом же деле больше часа ошивался перед ее домом, прежде чем она появилась. Я восхитился ее тонкими лодыжками и прекрасными ресницами и сказал ей, что только что был у дантиста, а она поиграла «молнией» своей рокерской кожаной куртки марки «Перфекте». Я покраснел (не умею лгать), и она тоже, вероятно за компанию. Все краснели в тот вечер в седьмом часу в семнадцатом округе Парижа на Плас дю Брезиль. Светофоры загорались красным светом, автомобили, останавливаясь, включали стоп-сигналы, и мне даже показалось, что само солнце наливается краской.

По общему согласию мы решили, что завтра вечером ее отец пригласит меня на ужин. Он отлично готовил тушеную говядину и к тому же был отлично знаком с моим отцом. Так, значит, этот милейший человек разговаривал обо мне с Анной! Надо всегда втираться в доверие к предкам (кроме тех случаев, когда речь идет о конфликте поколений; тогда надо выбрать свой лагерь; в данном случае такой проблемы не было: совершенно очевидно – Анна обожала своего старенького папочку-пенсионера, бывшего преподавателя в Коллеж дс Франс, ученого алкоголика и брюзгливого философа, который позволял ей делать все, что ей вздумается, с тех пор, как его жена сбежала с каким-то итальянским психоаналитиком, который теперь сидит в тюрьме).

Эта встреча длилась не больше пяти минут, но глубоко врезалась в мою память.

Вернувшись домой, я с закрытыми глазами прокручивал в голове эту сцену, вспоминая колени Анны, цвет ее помады, ее руку, поигрывавшую «молнией». Все застежки – это молнии. Посмотрев в зеркало и увидев круги под глазами, я сказал им: «Сдавайтесь, вы окружены!» – к чему лишать себя удовольствия поиграть словами? Потом я снял телефонную трубку, чтобы позвонить Жан-Жоржу и рассказать ему все, но тут в комнату вошла Виктория, и мне пришлось прервать разговор. На ней были джинсы, черный свитер с воротником, на лице – равнодушие. Наш разрыв был неизбежен; оставалось только узнать, кто из нас возьмет на себя инициативу. С одной стороны, мне мешала лень, с другой, – подталкивало самолюбие. Я никак не мог решиться, – разве правила хорошего тона не требуют пропускать даму вперед?

– Мы с Элизабет идем в кино. Хочешь с нами? – спросила она.

– Спасибо, мне надо статью отпечатать. Ее подруга Элизабет всегда одевалась

как монашка, а по такому случаю одежда ее и вовсе должна была отдавать монастырем. Я отлично знал, на какие фильмы они ходят вдвоем – бесконечные пеплумы из египетской жизни. После кино они шли в ресторан есть суши и беседовать о Сэмюэле Беккете.

– Я собираюсь лечь пораньше, поцелуй ее от меня, – бросил я вдогонку Виктории, которая уже спускалась по лестнице, торопясь поскорее забыть о моем существовании.

Жан-Жорж уже охрип. Болтал без умолку – слова не вставишь. Он рассказал мне о своих похождениях прошлой ночью: они встретились в бистро с несколькими глумливыми паяцами, потом, как обычно, отправились побродить по улицам, познакомились с какой-то девушкой, неизвестно от кого беременной, и проводили ее до гостиницы, где она жила. У Жан-Жоржа не встал, они приняли душ прямо в одежде, она вышвырнула его из своего номера, он прошлепал по коридорам, оставляя повсюду лужицы мыльной воды, за что на него наорал консьерж, а потом и шофер такси. Теперь у него немного болела голова. А зачем я ему звонил?.. Только я хотел рассказать ему об Анне, как он меня оборвал: футбол начинается, ему надо сходить за шампанским для своих друзей-сквоттеров, что-нибудь срочное? – Нет.

Приготовление к ужину у Анны. Никак не могу выбрать галстук. У меня нет права на ошибку. Темно-синий галстук в белый горошек, белая рубашка, саржевый блейзер, никаких украшений. Никакого платочка-

слишком рискованно. Темно-синие фланелевые брюки. Грустноватые, но простенькие. Классические, но классные. Ботинки, завязанные на двойной узел.

А теперь самое ужасное: черные точки на носу, щетина на подбородке, которая не поддается, даже если по ней дюжину раз провести бритвой, на тринадцатый раз я порезался. Туалетная вода, обжигающая щеки, гель, от которого волосы склеиваются, а руки становятся склизкими. В последний момент: волосок, торчащий из носа, сросшиеся брови, а пинцет куда-то подевался. Кровавое пятно на вороте рубашки. Все заново.

Опаздываю на час, а мне еще надо купить бутылку вина. Наконец я выбрал рубашку в красную клетку, оставив тот же галстук. Я похож на законодателя мод. Но отнюдь не на модную картинку.

А еще говорят, что девушки долго одеваются!

Я взял бутылку «Мутон-Ротшильд» 1986 года (от друзей). В машине слушал «Еуе Кноу» Де Ла Соул.

И распевал во все горло. В какой-то момент две девчонки, которые шли мимо, смеясь, покрутили мне пальцами у виска,— я выключил радио.

Мне удалось припарковаться не слишком далеко. В лифте я причесался, поджилки у меня тряслись, как в день выпускного экзамена по французскому. Я подождал, пока краска сошла с лица, позвонил и – вперед, на амбразуру.

Это был полный провал. За весь вечер Анна не проронила ни слова. Едва войдя, я почувствовал себя ужасно смешным в этом нелепом костюме. Ее отец пригласил каких-то друзей – постреволюционеров 68-го: джинсы-клеш, немытый хайр. В их глазах я читал печальный приговор самому себе: слюнявый папенькин сынок, тряпка, трусливый засранец. Или у меня просто паранойя? Факт в том, что я всех стеснял, Анну в том числе. Она не реагировала на мои взгляды и не упускала повода, чтобы встать из-за стола. В конце концов она даже показалась мне не такой симпатичной, как прежде. А разговор беспрестанно крутился вокруг меня: чем я занимаюсь, что я, «как молодой», думаю о событиях в Восточной Европе, какие сейчас новые тенденции...

Хуже всего, что я не удрал, а отлично разыграл роль безобразно-загнивающе-мерзкого-толстосума. На этом поприще мне нет равных. Чем меньше я представляю собой кого-то, тем больше им кажусь; чем меньше придерживаюсь какого-нибудь мнения, тем более яро его отстаиваю. Недаром же я учился на факультете политологии.

После ужина мне пришлось выслушивать наставления старших. Как? Я не читал основополагающих книг: «О тщете всего», «Содомское

искушение», «Двенадцатый с полони ной градус письма», «Кнут и современность»? Как? Меня не интересует политика, я ничего не знаю о войне в Ливане, у меня не было желания зарезать собственных родителей, я никогда не пробовал опиум, у меня не было гомосексуального опыта, меня не трогает творчество Мишеля Турнье, я не принимаю транквилизаторов, ношу галстуки и даже не принадлежу к ультраправой партии! Все широко зевали – даже декольтированное платье Анны; мне удалось мельком увидеть одну из ее грудей; все-таки не зря пришел.

В ту ночь я в последний раз занимался любовью с Викторией. Это был оральный секс вдогонку. По мне лучше быть пошляком, лишь бы избежать прямолинейности. Не только круги могут быть порочными.

Наконец неизбежный момент настал: Виктория оставила мне в прихожей записку. «Давай поужинаем сегодня вдвоем „У Фожерона“. Мне нужно с тобой поговорить». Это был добрый знак: у Анри Фожерона подавали отличное утиное филе. Пойду: лучше жрать утку, чем подложить кому-то свинью, не придя на свидание.

Анна позвонила мне в тот же вечер, чтобы спросить, не слишком ли я скучал на ужине у ее отца. Что доказывает ее проницательность. Во всяком случае, она оказалась лучшим психологом, чем я, который считал, что все пропало безвозвратно. Счастье никогда не приходит одно.

Между Викторией и мной все было кончено, – я понял это, как только вошел в ресторан «У Фожерона». Она, как обычно, опаздывала ровно на двенадцать минут. Так что у меня было время попробовать тамошний горький виски. Он был что надо: определенно больше виски, чем горечи. Как отличить хороший ресторан? Бокалы для вина в хорошем ресторане больше, чем стаканы для воды.

В зависимости от того, какими духами пользуются девушки, их можно разделить на несколько категорий. Есть девушки, которые напоминают вам другую девушку. Есть такие, которые отравляют воздух: их запах, как брехастая собачонка, бежит впереди. А еще бывают духи, которые напоминают площадь в какой-нибудь провансальской деревушке и тарелки моцареллы с помидорами в тех краях, где едят только моцареллу. Надо ли говорить о том, что Виктория больше не входила в третью категорию?

В продолжение ужина моя уверенность только укреплялась: наша любовь саморастворилась, как таблетка алка-зслътцера в стакане воды из-под крана. С тем же спасительным эффектом.

– Марк, я хочу тебе сказать одну не очень приятную вещь... – пошла на приступ Виктория.

– А где перец и соль?

- ...Мне кажется, такая жизнь ни к чему хорошему нас не приведет...
- Хрум, мням, чавк (филе утки было с гарниром из кабачков под сыром, обжаренных в сухарях).
- ...с уважением отношусь к тому, что мы пережили вместе...
- Гарсон, еще бутылку того же вина, пожалуйста!
- ...никогда не знаешь, что у тебя в голове...
- Буль-буль-буль («О-Брион» 1975 года, «утраченное вино» Мацнева).

Зачем удирать бегом, надо уходить пешком. Медленно-медленно я поднялся из-за стола, провел рукой по волосам, допил свой бокал, вылил остатки вина на голову собачке, принадлежавшей даме за соседним столиком, сказал Виктории, что мне надо позвонить и что я сейчас вернусь, – ложь, о которой я ни разу не пожалел, так как это избавило меня от необходимости платить по счету.

Две самые ужасные фразы в мире, это: «Мне надо с тобой поговорить» и «Надеюсь, мы останемся друзьями». Самое смешное, они всегда приводят к противоположному результату, ломая и беседу, и дружбу.

Не хочу разыгрывать из себя крутого, как вареное яйцо, но в итоге, мне думается, я достаточно легко воспринял тогда свое новое холостяцкое положение, которое было в большой степени заранее подготовлено и отчасти спровоцировано. Ладно, возможно, я и опрокинул ударом ноги пару мусорников, – так, для порядка. Виктория меня и вправду выкинула, как старый носок (или носовой платок, или презерватив, или использованный тампон-на ваш выбор). Подобную ситуацию встретишь только в плохом романе. Так что примите во внимание, чего мне стоит писать об этом.

И тут судьба притормозила передо мной, взвизгнув протекторами. То ли Анна меня услышала, то ли она уже читала эту книгу раньше? Во всяком случае, она соблаговолила пригласить меня прокатиться на своем мотороллере. В этом сексапильном деловом костюмчике и с плеером на ушах она могла бы сойти за деловую женщину, но деловые женщины не слушают Иоганна-Себастьяна Баха, пролетая перекрестки, не глядя на светофоры (даже на зеленый). Я быстренько пожалел, что не отклонил ее любезное приглашение. Она мчалась как полоумная. Я ей об этом сказал.

- Почему ты нажимаешь на газ, как только загорается красный свет?
- Да нет же, он был оранжевый!

Стало быть, речь шла всего лишь о случае дальтонизма, совершенно обычном, но тем не менее смертельно опасном.

– Я извиняюсь за вчерашний ужин, – прокричала она. – Не знала, что папа притащит к себе эту секту отставных бунтарей.

– Да нет, все было превосходно, уверяю, я здорово повеселился, ТОРМО-ЗИИИ, ПЕШЕХООООД, ВОН ТАААМ!

– Да успокойся ты наконец...

Я был совершенно спокоен: за все время, пока мы ехали, я больше не открывал глаз. Она ехала к ночному бару «Кастель», а я не возражал, к тому же у меня не было выбора.

«Любить – значит действовать», – сказал Виктор Гюго. Я счел за благо последовать заповеди старого плейбоя. Здесь, в ночном клубе, у меня были все возможности опьянить ее, и не только словами. Ее зубы сводили меня с ума, и я всеми способами пытался заставить ее улыбнуться, чтобы созерцать их как можно чаще. В ее компании время летело незаметно. Минута проходила за несколько секунд.

В клубе я паясничал вовсю. Там было полно знаменитостей, пьянчуг, мифоманов, писателей, проституток и насильников. Обычная публика. Я вытаскивал Анну танцевать, потом бросал ее посреди танца, чтобы поздороваться с какими-то своими приятелями, целовал хорошеньких девушек прямо у нее на глазах. Мне хотелось произвести на нее впечатление, а вышло, что я ее лишь разочаровал. Я это чувствовал, но продолжал свою дурацкую игру, так как других идей у меня не было, в голове был сплошной туман. В том, что случилось то, что и должно было случиться, мне некого винить кроме себя. К концу ночи Анна висела на шее у какого-то коротышки. Я видел, как они целуются в губы, обильно обмениваясь языками и слюной. Долой всех телок, телух и грязные свинства. Анна, сестра моя Анна, погас мой свет в конце тоннеля. И т. д.

В тот вечер я изобрел новый коктейль: «Все с нуля». Третью водки, две трети слез.

Я уснул с открытым окном. Храпели и я, и кошка, и холодильник. Замерзли и я, и кошка, и холодильник. На самом деле никто не спал по-настоящему: ни я, ни кошка, ни холодильник. Я встал, чтобы закрыть окно; домашний зверь и бытовой прибор перестали занимать мои мысли.

«Анна, я в бреду: и бреду, и бреду, на ходу сочиняя оду».

Мое творение.

Две неудавшиеся любви за два дня – для начала неплохо. Самое время свалить куда-нибудь подальше. И точно: глумливые паяцы как раз собирались отправиться в путешествие. Жан-Жорж разнюхал про какой-то бал в Вене. Кроме него никто из нас приглашен не был: впрочем, такая мелочь вряд ли могла кого-то смутить. Бал в Австрии – в тот момент для меня это было именно то, что доктор прописал. Чтобы поправить мозги, нет ничего лучше, чем напиться среди призраков. Да и я сам в то время

мало чем отличался от привидения...

Часть вторая. Уходящие поезда.

Путешествия формируют ум молодежи и деформируют штаны.

Макс Жаков

Список затронутых в дороге тем разговоров: непомерные цены на пиво в поездах; последний роман Сан-Антонио (Торт с волосами на заказ), ненависть к рекламе и к тем, кто ее делает; кто с кем спит; последний фильм Феллини; Виктория (Да что ты? Между вами все кончено?); придурки, которые выбрасывают колбасную шкурку; пять десятков женских сисек; кто кого бросил; творчество Кнута Гамсуна; ненависть к парням, которые носят теннисные носки вне корта; наши покойные приятели; наши женатые приятели; наши приятели, ставшие отцами; Анна (Кто такая? Мы ее уже видели?); ненависть к Магритту, Бюффе, Вазарели и Сезарю; самоубийство; убийство; ближайшие праздники; Казакова; Дон Жуан; Роже Вадим; девушки, которые никогда не красятся; те, что красятся слишком много; кушаки для смокингов; греческие сэндвичи на улице Сен-Дени; «Жизнь – это карнавал / Амир – огромный бал / В котором мы без усталости кружимся / Под масками скрывая лица» (ария Жоржа Гетари в оперетте «Господин Карнавал» Фредерика Дарда); «Травиата»; рэп; травка; джин-тоник; Gin Rummy; джинсы с дырками; большие сиськи; Южная Америка; залив Рио; Стен Гетц; кабриолеты; определение алкоголя в крови у водителей; бал в Вене; тема «Вальмон is back»; требование в приглашении явиться в костюме XVIII века; пять сотен гостей в замке Розенбург в двадцати минутах к югу от города, и к тому же хозяйка бала – французы!

Смертельно пьяные, мы выходим из поезда через четверть часа после его прибытия на венский вокзал. Бродим по городу в поисках гостиницы. Пугаем своим видом местных жителей. Мы превратились в хулиганов при галстуках, это звучит даже лучше, чем глумливые паяцы в штанах. Заскакиваем в автобус *in petto, sine die* и *manu militari*. Жан-Жорж засыпает на коленях какой-то пожилой фрау, прокричав «Хайль Курт Вальдхайм!», и нас тут же выкидывают из автобуса *a priori, ipso facto* и *ex abrupto*. Жан-

Жоржу достается все сполна. У многих из нас (у меня в том числе) возникает желание его отчихвостить. Но ему повезло: для этого у нас слишком болит голова. Кратко перечислим остальные события: такси, гостиница, ванна, аспирин, переодевание, такси, приезд на бал. В жалком состоянии, зато при костюме.

Мне все понравилось в Вене. Особенно щиколотки Анны, так некстати оставшиеся в Париже. Тем не менее этот костюмированный бал оказался эффективным лекарством от меланхолии. Надо сказать, он начался с доброго предзнаменования, поскольку нас пропустили туда без всяких вопросов: было ли это свидетельством нашего незаурядного знания света или же поблажкой в счет взятых напрокат костюмов? Пригласительный билет требовал явиться в костюме вольнодумца века Просвещения; мы подчинились этому требованию неукоснительно (хотя и не беспрекословно).

Я чувствовал себя в ударе, хотя мои движения были несколько скованны из-за пышных жабо и напудренных париков. Хочешь быть вольнодумцем – придется терпеть.

Хорош ли праздник, видно уже с порога. Сколько раз мне хотелось удрать, едва переступив порог какой-нибудь унылой гостиной, от которой за версту веяло грядущим провалом? Интуиция никогда еще меня не подводила; потом, в течение вечера, я без конца жалел, что лицемерно подавил в себе этот хороший рефлекс, выслушивая, как все это сборище светских неудачников (*social flop*) перебрасываются никому кроме них не понятными шуточками (*private jokes*) и без конца сыплют в разговорах именами знаменитостей (*name dropping pushy*). Англичане придумали замечательные названия для всего этого идиотизма.

Венский бал поражал вас с первого взгляда. Фасад замка был освещен огнями свечей, и весь парк мерцал миллионами сверкающих точек. При входе вас встречал струнный квартет, и вы шагали в такт приятного моцартовского аллегро. Все гости были наряжены в пышные костюмы. Там были Людовик XVI с Марией-Антуанеттой, и – как и в те далекие времена – они были врозь. Если не считать нескольких досадных анахронизмов (где-то в уголке стоял Ришелье, набивая рот печеньем, а Наполеон Бонапарт даже не смел высовываться), можно было действительно подумать, будто вы перенеслись на два века назад. Поскольку я, к сожалению, не застал при своей жизни ту эпоху, все это скорее напоминало мне некоторые фильмы Милоша Формана. Народ охотно играл в эту игру, а некоторые даже пытались говорить на старофранцузском, используя выражения типа: «Мессир, сие празднество доставляет мне немалое удовольствие» или:

«Душа моя, вы разжигаете огонь в моем сердце, и я имею намерение впредь вас оттрахать», – выражения, придававшие этой картине нарочитое, если можно так сказать, правдоподобие. Повсюду видны были лишь сцены возлияний и грязного разврата, красное вино пилось бочками наперегонки, устраивались едальные баталии (перепела, хоть и зажаренные под эстрагоном, продолжали летать) и догонялки с маркизами вокруг столов и по кустам.

Внутри замка праздник захлестнул весь первый этаж. Какой-нибудь дотошный историк был бы несомненно возмущен: здесь танцевали скорее не менуэт, а эйсид-хаус. Кстати уж, если бы Вальмон вернулся в наше время (да он нас в общем-то и не покидал), ему бы не составило большого труда приспособиться к современным танцам, которые, в общем и целом, являются всего лишь разновидностью средневекового бурре.

Некоторые пары отправлялись навестить верхние этажи – то ли желая осмотреть интерьеры, то ли движимые иной безотлагательной потребностью.

Кое-кто засыпал, другие разъезжались по домам, кончали с собой или вступали друг с другом в беседу. Мне с трудом удалось избавиться от маркизы де Мертей, особы еще более экзальтированной, чем ее оригинал. Она поминутно спрашивала, не желаю ли я посмотреть, сколько нижних юбок на ней надето. Я сделал вид, будто не понимаю по-английски, и незаметно смылся, как только она начала сложный процесс своего разоблачения. В саду едальное сражение перекинулось на десерты. Я едва успел уклониться от меренгового торта с клубникой, отделавшись всего несколькими пятнышками клубничного сока на золоченом камзоле. Что за жизнь без риска.

Хулиганы при галстуках наступали в рассредоточенном боевом порядке. Один нашел под буфетом несколько бутылок шампанского и поливал им двух мадам де Турвель, которые выясняли между собой, кто из них был копией другой. Еще одного я застал в пылу жаркого спора с будущим королем Бельгии о подлинности некоего бюстгальтера, найденного на танцплощадке. Затем я повстречался с Анной-Марией, молодой немкой, кузиной Габсбургов, рядом с которой я в прошлом году сидел за ужином в клубе «Ле Бен». Она спросила, нет ли у меня кокша. Ей было явно не больше семнадцати, но для этих стран это уже относительно опытный возраст. Кокша у меня не было; тем не менее она согласилась выпить бокал шампанского, в то время как я накачивался неразбавленной водкой. Моя репутация не пострадала.

Я последовал за ней во французские сады, а когда мы вернулись, моя

родина была отомщена. Тем временем почти все разошлись. «Австрийцы рано ложатся спать»,— сказал мне Жан-Жорж после того, как разбил мои часы.

К счастью, Анна-Мария жила в апартаментах дворца Шварценберг. Я не заставил себя долго упрашивать и принял приглашение. Как все испорченные дети, я делаю вид, будто плюю в суп, а на самом деле у меня все замашки нувориша. Правда, нам пришлось пробираться на цыпочках, чтобы не разбудить ее родителей.

Наше возвращение прошло шито-крыто. Мы шли в ночи, как тени в полутьме. Несмотря на кажущуюся опасность, все эти предосторожности не имели особого смысла.

Все прошло как по маслу, и когда принесли завтрак (опять-таки с маслом), у Анны-Марии оказался новый сосед по комнате. Я был поражен, насколько обрадовались этому факту ее родители, как будто я подцепил засидевшуюся в девках уродину. На самом деле это было не так: Анна-Мария хотя и не была пригожа лицом, зато обладала парой сисек размера 92-С: это была женщина с достоинствами.

Анна-Мария съела две порции взбитой яичницы с трюфелями, ибо я уступил ей свою. Иначе мне пришлось бы делать как они: ковырять яичницу чайной ложечкой. Я удовольствовался стаканом воды, наблюдая, как в нем медленно растворяются две таблетки гуронсана (гуронсан —это кокш для слюнтяев). Анна-Мария включила телик и болтала под него без умолку, а я проклинал себя за хилое телосложение. Не сомневаюсь: она наверняка растреплет своей семейке, какие французы дохлятики и слабаки. Ее папаша будет улыбаться, сидя за столом, и распространяться о воссоединении Германии. От одной этой мысли у меня возникала изжога. Какое счастье, что на мне не было пижамы, а то я чувствовал бы себя Шарлоттой Рэмплинг в «Ночном портье». Очевидно, Австрия разбередила во мне манию преследования. Я начал понимать Томаса Бернхарда, ушедшего в добровольное изгнание.

К четырем пополудни я вернулся обратно в гостиницу к хулиганам. Было жалко смотреть, как они спят вчетвером в двухспальной кровати. По стенам комнаты стекала белесая пена: ребятки игрались с огнетушителями.

Я открыл окно, чтобы выветрить запах угольного ангидрида, выпитого шампанского, «горячей псины» (хот-дога) и холодного пепла. Дневной свет ворвался в комнату. Послышалось недовольное ворчание.

— Подъем! Подъем! — прокричал я, как бригадир моего эскадрона в 120-м железнодорожном полку, в Фонтенбло.

Мы прогулялись по Вене, но уже без вдохновения. В

послепраздничных днях нет никакой радости. Все кафешки были закрыты. Что за странная мания у этих народов –не работать по воскресеньям! В Париже по Господним дням все магазины открыты. Вена же представляла собой вымерший город. А может, в честь нашего приезда ввели комендантский час? Жители как будто попрятались за своими ванильно-розовыми ставнями. Возвращение на вокзал было печальным. В сравнении с ним даже бегство французской армии из России – увеселительная прогулка.

Жан-Жорж запутался в литературных цитатах. В потоке невежественных педантичных подробностей он смешивал Цвейга, Фрейда, Музиля, Гитлера и Шницлера. И даже не упомянул о моих любимых австрийцах Гофманстале и Ники Лауда. В одном тем не менее он не ошибался: подобно нам, эти великие люди чувствовали себя здесь не в своей тарелке. Кто-то из нас, переиначив, процитировал строчки из «Моста Мирабб» Аполлинера («VIENNE la nuit, sonne 1'heure», и т. д.), и у меня начался приступ непроизвольной рвоты. Это было действительно хуже, чем русская кампания 1812 года. По крайней мере тогда гвардия умирала, но не сдавалась...

Вечером мы сели в поезда и разъехались по домам.

Часть третья. Обманчивый рай

*Только Бог повсюду.
А сразу под ним – Джеймс Браун.*

Джеймс Браун

Раньше это называлось «млеть». Лично я сказал бы, что «балдел от Анны», ибо надо жить в ногу со временем. Она была моей навязчивой идеей. Не в силах скрывать свои чувства, я поделился ими с Жан-Жоржем, который меня вежливо выслушал. Он даже дал мне несколько советов: никогда не говорить ей «я тебя люблю», никогда не посылать ей любовных писем, которые я строчил круглосуточно, быть всегда чисто выбритым, перестать пить, держать волосы в чистоте, никогда не звонить ей, но всегда, как будто случайно, оказываться там, откуда бы она ни вышла, всегда приятный, забавный, галантный и прилично одетый... и ждать, ждать и еще раз ждать. Решение будет за Анной. Может, это будет чистойшей потерей времени, но другого пути нет.

Каждый мой день начинался оптимистично. Я вставал, чистил зубы, выпивал чашечку кофе, кого-нибудь убивал. Достаточно было посмотреть в окно: в моем переулке было полно никчемных доходяг, которые только и ждали, чтобы я их добил. Я делал вид, будто обеими руками беру ружье, спокойно прицеливался. Не дрогнувшим пальцем нажимал на спусковой крючок.

Марк Мароньс, ужасный серийный убийца, жуткий массовый кровопийца, беспощадный сексуальный маньяк и знаменитый ночной тусовщик: еще один выстрел. Вся полиция сидела у него на хвосте. Научные лаборатории производили анализ его волос. А он разражался сардоническим хохотом. В его стакане бутылочного сидра плавали конфетти. На коробке стирального порошка он прочел: «Талантливо без кипячения». Этого может достичь только стиральный порошок.

Вдруг мне стало безразлично, что я не мастурбирую.

Вдруг мне стало безразлично, что я не принимаю наркотиков.

Вдруг мне стало безразлично, что я не Мик Джаггер.

Вдруг мне стало безразлично, что я не помню наизусть либретто «Богемы».

Вдруг мне стало безразлично, что я не грызу ногти.
Вдруг мне стало безразлично, что я не переспал с Роланом Бартом.
Вдруг мне стало безразлично, что я не смотрю на вас со страниц газет.
Вдруг мне стало безразлично, что я не хожу к парикмахеру.
Вдруг мне стало безразлично, что я ничего не ем.
Вдруг мне стало безразлично, что я ничего не пью.
Вдруг мне стало безразлично, что я никуда не хожу.
Вдруг мне стало безразлично, что я ничего не пишу.
Вдруг мне стало безразлично, что я не умираю.
Вдруг... Анна.

Мне было смешно видеть собственную восторженность. В конце концов у меня возникло впечатление, будто я иду в ногу со временем. Везде происходят революции, отчего же не во мне? Нам говорили, что наступил Конец Истории. А моя история, наоборот, начиналась заново. Конец Идеологий породил идеологию Конца. Это был культ упадка. Чем хуже конец, тем лучше. Ерунда какая!

Не доверяйте своим идеалам софт, ибо они возбудили во мне желания хард. Мой выход. С дороги, я иду! Нас хотели превратить в безвольных слюнтяев, но в мир ворвалось поколение яростное, сексуальное, бунтующее и влюбленное. Кто сказал, что история никогда не повторяется?

А пока я прилежно столбил свою территорию: Анна не могла и носа высунуть, чтобы не наткнуться при этом на мои два. Шла ли она на выставку? Я уже обменивался шуточками с художником. Усаживалась ли она перед подиумом, чтобы ознакомиться с последними коллекциями мод? Я тут же предлагал ей выпить по бокалу шампанского за кулисами. Летела ли она на Каннский фестиваль? Я оказывался в том же самолете. Я старался как можно меньше мозолить ей глаза и в то же время постоянно маячить где-то поблизости. Вот так, моя жизнь – чередка преждевременных эякуляций; мне никогда не удавалось сдержать в себе напор жизни.

Уму непостижимо. Я встретился с Анной случайно на новоселье, справляемом в шумной компании друзей. Было очень поздно, и воздух был насыщен электричеством. Я мгновенно узнал ее и начал дрожать всеми своими членами (включая тот, что посередине). Верите или нет, но, едва увидев меня, она перестала танцевать, медленно подошла, взяла меня за руку и увлекла в одну из спален. Там она еще сильнее сжала мою руку и поцеловала в губы, нежно, как в кино. Три раза. И ушла. Мне вспомнился Жан-Пьер Лео, который спрашивал, не являются ли женщины существами волшебными.

Чем раздумывать, лучше бы я пошел за Анной, но как это сделать? Как

бы то ни было, напрасно я обшаривал все закоулки этой квартиры – Анны давно уже след простыл. Я был не в состоянии понять, наяву это произошло или во сне. «О, Господи, сделай так, чтобы это был не сон!» Ужас, каким становишься верующим в такие моменты.

И солнце встало.

Мне не приснилось. Анна позвонила мне на следующий день. Утро вечера мудренее. Стало быть, она действовала вчера не бессмысленно, в порыве горячности, а осознанно. Она заверила меня, что не была пьяна. Значит, есть все-таки в Париже девушки, совершенно владеющие собой, которые могут неожиданно поцеловать парня. Во всяком случае, одна. Для меня вполне достаточно. В этом смысле я никогда не был особо прожорлив. Скажем так: я возвел необходимость в ранг благодетели, что не мешает мне оставаться весьма пылким романтиком.

Наша страсть была поистине нежноющей, мимозной и миласечной. (Слова слишком грубы, чтобы передать наши чувства, так что я позволил себе придумать свои.)

У нее мне нравились:

- ее щиколотки (уже упоминалось);
- ее комплименты (но они заставляли меня краснеть);
- ее манера проводить рукой по волосам (растопыренными пальцами);
- ее стряпня (из замороженных полуфабрикатов);
- ее юбки (короткие);
- ее позвоночник (особенно когда она наклонялась);
- ее смех (над моими шутками);
- ее косточки (или ключицы);
- ЕЕ КОЖА;

– и желание сочинять такого рода перечни, которое она во мне возбуждала.

Я купил себе ружье с обрезанным стволом. Не знаю, что на меня нашло. Я совершенно не способен воспользоваться этой штуковиной и не представляю, зачем она может мне пригодиться: сам я по натуре человек спокойный, а врагов моих можно пересчитать по пальцам одной руки. К тому же эта штука стоила мне целого состояния. Но я сохранил ее, она красивая.

Ею можно оторвать человеку голову с расстояния в пятьдесят метров.

Мы целыми днями валялись в кровати, питаюсь исключительно паштетом из гусяной печени и кока-колой (анорексия – это гедонизм), смотря по телеку видеоклипы, пока передачи не заканчивались. Случалось иногда, что мы ели также фисташки, но от этого у нас появлялись язвочки

во рту. Что еще? Мы наизусть заучивали диалоги Мишеля Одиара, воровали стаканы на вечеринках, носились на мотороллере, слушая Кэта Стивенса, «Ослиную шкуру» Мишеля Леграна, Сару Вон, и думали, что нас ничто не сможет остановить, что можно быть счастливыми безнаказанно. Мы еще не читали Э. М. Чорана: мы были так милы.

Кошка будила нас, чтобы ей дали поесть. Мне нравилась простота наших отношений: любовь в обмен на жратву. Наши взаимоотношения строились на несомненно более здоровых основах, нежели у большинства представителей человеческого рода. Стоило мне протянуть ей тарелку, как раздавалось довольное урчание: дашь на дашь.

Я был в отличном настроении, и меня это жутко пугало. Любая ерунда вызывала у меня улыбку, и я непрестанно наполнял легкие свежим воздухом. Однажды у меня даже навернулись слезы на глаза, когда я смотрел какой-то мыльный сериал. Никогда еще мне не удавалось так радоваться жизни. Райзер говорил, что его тошнит от счастливых людей. Я разделяю его мнение, хоть он и умер из-за этого.

Анна приносила мне круассаны, и хотя я не урчал, мысленно я так и делал. Потом я целовал ее в глаза в каждой комнате квартиры и признавался в любви, особенно в спальне. Раз уж Анна **ДЕЙСТВИТЕЛЬНО** была самой красивой девушкой на земле, зачем от нее это скрывать?

Мы были такими милашками. Мы пили «Вильямин».

Или откупоривали шампанское в порту Сокоа: «И ты, Брют!»

Мне повезло: Анна терпела мои каламбреды.

Так прошло немало времени, и я все реже и реже выбирался по вечерам из дома.

Когда любишь, не считаешь. Впрочем, нет: считаешь дни и часы, иногда минуты. Два дня Анна не проявлялась, и я постарел на десять лет. Я дежурил у телефона, разобрал телефон, собрал телефон. Я мог бы сдать экзамен на телефонного мастера. Наконец Анна пришла. Ее отец в больнице.

У меня даже не было возможности ее отругать!

Если бы я знал, что одна из сцен этого романа будет происходить в Венеции, возможно, я бы не столь проворно вошел в литературу. Венеция – это город для заводских комитетов, любителейниц гондольеров и студентов-филологов в вельветовых пиджаках. Кроме того, это единственное место, где умереть считается шикарней, чем попасть на бал. Но Анна непременно хотела туда поехать, поскольку ее отец пожелал, чтобы она представляла его на балу у его друга, князя де Г. Итак, мы сели в «Восточный экспресс». Спали мы не много; некоторые пассажиры из нашего вагона жаловались на

ночной шум. Как только мы приехали в «Эксельсиор», я тут же заснул глубоким сном.

Когда я проснулся, было уже темно. Анна куда-то исчезла, но что еще хуже – я забыл в Париже свои запонки. Спускаясь в холл, по дороге я незаметно стряхнул несколько крупинок перхоти, просыпавшихся на плечи моего смокинга. Так, живее, немножко уверенности. А у Тадзио была перхоть?

Анна ждала меня в баре «Гритти». По крайней мере, она так написала в записке, которую оставила у портье. По его словам, она вышла более двух часов назад. Я сунул ему банкноту в десять тысяч лир. Надо помогать привратникам: представители этой вымирающей профессии сумели сохранить старинную традицию шпионажа и доносов. К тому же это ремесло, которое открывает двери.

Узкие улочки кишели окрыленными поэтами и оголенными туристами. Не говоря уже о том, что на площади Сан-Марко было полно голубей.

Разумеется, Анны в назначенном ею месте не было. Однако это еще не причина, чтобы лишать себя маленького стаканчика «Беллини». Потом второго, третьего, а затем и четвертого, о, Анна, а вот и ты, где же ты была? Платье на ней было столь восхитительным, что я опрокинул стакан.

На бал мы прибыли с опозданием, а значит, вовремя. Палаццо Пизани Моретта пылал огнями в ледяной ночи. Тысячи звезд тонули в Большом Канале. На спичечном коробке я записал одну фразу: «Анна воспарила, как *varopretto*». После этих слов мне тоже стало не по себе.

Завидев буфет, я понял, что уже сутки ничего не ел. Пока я восполнял эти потерянные сутки двенадцатью дюжинами бутербродов с лососевой икрой, Анна уже вальсировала с одним знаменитым актером. От этого во мне проснулась жажда. Я бродил по этажам с шампанским в руке, рассматривая люстры, фрески, декольте, а шампанское струилось по моей руке, заливаясь за рукав.

В конце концов, я знал здесь всех. В том числе Жан-Жоржа. Он танцевал фарандолу вместе с арлекинами, осыпая гостей конфетти. Баронесса де Р. сидела на плечах Шарля-Луи д'А. Платье ее было задрано до пояса. Кроме того, там был кутюрье Энрико К., танцевавший на столе сиртаки, в то время как Его Королевское Высочество принц Г. мочился за занавеску. Франсуаза С. блевала в окно. Гийом Р. и Матье К. спали на полу: переступив через их неподвижные тела, я увидел ее.

У нее в волосах был повязан платок. Она разговаривала с метрдотелем, маленькими глотками отпивая из своего бокала. Сбоку ее подсвечивал розовый прожектор, из-за которого она часто моргала. Она улыбалась без

всякой видимой причины. Смотреть, как Анна живет, давно стало моим любимым занятием. Меня захлестнула волна нежности. Однако эта нежность столь же быстро улетучилась, как только я увидел, что знаменитый актер, обняв ее за талию, увлекает в маленькую гостиную.

Я поспешил за ними. Действие алкоголя усиливало мою ревность. Анна смеялась, и рука актера без всяких возражений с ее стороны ходила по ее спине вверх и вниз. Они устроились на диване – слишком мягком, чтобы сохранять приличия. Что делать? Вмешаться? Гордость не позволяла мне этого. Я выбрал более порочную тактику и уселся за столик напротив подруги Анны, Эстель, которая приходила в себя после полудюжины акробатических рок-н-роллов и почти стольких же зрелищных падений на копчик.

– Как дела? – спросил я, придвигая свою коленку к ее.

– Уф, кажется, я немного перепила... На это я даже надеяться не смел.

Я прошептал ей в ушко какую-то дурацкую шутку. Она расхохоталась. Обычно Анна должна была бы взорваться, но сейчас она оставалась совершенно невозмутимой, а знаменитый актер все сокращал расстояние между ними на этом проклятом диване. Поверженный и уязвленный, я притворился равнодушным и даже по-дружески кивнул в их сторону. Стиль рогатого слепца. Это становилось опасным, и я обратился в бегство.

Вечеринка была в разгаре. Римский ди-джей одну за другой ставил пластинки диско. Лорд П. и многие члены его круга кидали друг в друга пирожными через весь зал. Они устроили баррикады из перевернутых столов и нагромождения стульев. Все были перемазаны кремом Шантийи. Дженис Д. даже несколько метров проехала по полу, прежде чем рухнуть в букет цветов. Танцплощадка действительно скорее смахивала на каток, чем на венецианский мозаичный паркет. Паоло ди М. воспользовался этим, чтобы затушить сигару о персидский ковер. Шарль де К. так хохотал, что нам пришлось отнести его на террасу, поскольку его скрутил приступ астмы.

Там я снова увидел Анну и ее галантного актера, которые весело болтали, об-локотясь на балконные перила. Этот дурак разыгрывал перед нею кино, но самое ужасное – она на это повелась! Я вскипел. Вскочил на перила. Анна вскрикнула, но было уже поздно: я кинулся в темные воды Большого Канала.

Когда я всплыл на поверхность, надо мной склонились три десятка голов. Хотя я умирал от холода, на сердце у меня потеплело. Совершая подобный байронический поступок, вы даже не представляете, насколько быстро вас снова настигает реальность: промокший до нитки, воняющий

илом и мазутом, в смокинге, с которого вода стекала ручьями, с волосами, прилипшими к голове, стуча зубами от холода, завернутый в дурацкое шерстяное одеяло в шотландских мотивах, я успел не раз раскаться в собственном щегольстве. Но цель была достигнута: Анна покрывала мой лоб губной помадой, называя меня дурачком. Знаменитый актер мог разыгрывать свое кино где-нибудь в другом месте. А я не играл, я действовал!

И снова встало солнце, как часто бывает.

Мы сидели у воды, намеренно повернувшись спиной к солнцу, восходящему над «Лидо», и вообще ко всем проявлениям коллективного мышления, лишаящего вас индивидуальности, и у нас подмерзли зады. Анна держала меня за руку; нельзя же избежать всех клише.

Ди-джей дал нам экстази. «Try it, try it, a mucha fun, a mucha crazy». У него был голос как у Чико Маркса.

Меня клонило в сон, в тумане слышались звуки фортепьяно, пилюли не оказывали на меня ровно никакого воздействия. Жан-Жорж пытался поцеловать Эстель в шейку. Анна подшучивала над клетчатым костюмом, одолженным мне нашим хозяином, пока мои вещи не высохнут. Он был мне велик размеров на десять. Ну, что дальше? Она что, хочет, чтобы я кинулся от холода? Я обдумывал грандиозную сцену ревности, которую собирался устроить ей потом. Ненавижу стирать свое грязное белье на людях. В особенности когда на мне чужое.

Вдруг мне стало жарко. Я вел себя глупо, переживая из-за такой ерунды. Жан-Жорж – мой лучший друг, а Анна – женщина моей жизни. И мне ужасно хотелось сказать им об этом. Мне было важно сказать им эти слова. Люди никогда не разговаривают друг с другом. И неужели мы, которым повезло, что нам было так хорошо вместе, неужели мы будем скрывать это друг от друга? Анна все сильнее и сильнее сжимала мою руку. Звуки фортепьяно часами кружились в воздухе. Эстель поцеловала Жан-Жоржа. Я все простил Анне, и она прислонилась ко мне. Это была любовь, счастье, истина.

Экстази – забавное зелье.

Венеции не хватает деревьев. Что мне нужно было от жизни? Достаточно деревьев, шумящих на ветру и капающих под дождем. Мне нужны были только деревья и чье-то плечо.

Занимается день, надо попытаться уснуть. Все прогулки имеют свой конец. Я видел, как моя любовь тонет в волосах Анны.

Венецианцы называют это «послепраздничная хандра». Лично я назвал бы это отходняком.

Просыпаюсь от жгучей боли в теле. Оказалось, я привязан к спинке кровати, а Анна стегает меня ремнем. И все время метит в одно и то же место. У меня весь живот горит. Однако сопротивляться начинаю, только когда она решает ударить несколько ниже. После этого она долго меня ласкает, что дает мне время освободиться от пут (два великолепных галстука выброшены на помойку). Потом она садится на меня верхом, и мы кончаем по-быстрому, потому что к полудню надо освободить комнату.

Венецианцы называют это «супружеским долгом». Лично я назвал бы это утром трудного дня.

Я отложил на время сцену ревности. В конце концов, я не должен был позволять этому актеришке волочиться за Анной. Он принял меня за свингера! В этом моя вина. Тем не менее свою злобу я сохранил при себе, в качестве оружия на случай будущего сведения счетов, как дамоклов меч, как сизифов камень, как танталовы муки, отложенные до греческих календ.

В Париже я вернулся в квартиру, лишенную большей части мебели. Виктория все забрала. Не осталось ни кровати, ни кастрюль, ни шампуней, ни будущего. Осталась лишь голодная кошка. Ее мяуканье едва ли могло наполнить эту пустоту. Я взял ее на руки, и она расцарапала мне щеку. Бывают такие дни.

Но главное все же осталось: я нашел стакан, лед в холодильнике и запас бурбона в духе великих традиций североамериканской литературы. Я сел на пол и подвел итоги. Что хорошо в разрывах отношений, так это возможность все начать с чистого листа. Можно разобраться в собственном положении. Так вот, после того как я до отказа разобрался в собственном положении, я уснул посреди всего этого. Меня разбудил телефонный звонок в духе великих традиций силеноновских детективов. Звонила Анна: требовала обещаний навечно, нерушимых клятв. Я не пожелал бросаться словами, она бросила трубку. Но главное все же осталось: я нашел стакан (тот же самый), лед... Смотри в начало абзаца, увы...

Ненавижу безукоризненно строгих парней. Я уважаю только смешных чудаков, тех, что приходят на снобистские ужины с расстегнутой ширинкой, тех, которым во время поцелуя на голову какает птичка, тех, что каждое утро поскальзываются на банановой кожуре. Быть смешным свойственно человеку. Тот, кто регулярно не становится посмешищем для толпы, не достоин быть причисленным к человеческому роду. Скажу больше: единственный способ узнать, что ты существуешь, это поставить себя в смешное положение. Это «когито» современного человека. *Ridiculo ergo sum.*

Само собой, я частенько осознаю собственное существование.

Мы с Анной постоянно куда-нибудь ходили. Каждый вечер мы совершали налеты в модные рестораны, тематические ночные клубы и болтали на модные темы. Задолженность на моем счете приобретала астрономические размеры. Это была уже не задолженность, а настоящая долговая яма.

Домой мы часто возвращались пьяные и валились в отруб. Я уже не так часто исполнял роль ее парня. Поначалу я, как полагается, был на высоте: лапал ее за все места, перепробовал все позиции и садомазохистские трюки. Иногда они ее удовлетворяли, иногда нет.

Потом у нас начался период безденежья, даже голода. Винить ли в этом нашу

необузданную тягу к светской выпивке? Лично я в этом уже несколько сомневался. На людях мы непрестанно ругались. Несмотря на то что вдвоем мы жили мирно, как только вокруг появлялись другие люди, между нами тут же развязывалась война. Для этого подходил любой предлог: нелестное замечание, слишком громкий смех, пристальный взгляд. Перебранка стала для нас излюбленным видом спорта. Каждый из нас оказывался во всеоружии на своем конце праздничного зала. Затем, по мере того как общество рассеивалось, ссора затягивалась, и вечер был потерян. И ошибки, и наносимые раны были взаимными. В этих тусовочных играх не было ни победителя, ни побежденного: только любовь становилась жертвой обманчивого рая. Любовь и веселье никогда не ладили друг с другом. Впрочем, весьма удивительно, что глагол «тусоваться» может подразумевать: целовать кого-нибудь взасос или просто ходить в гости. Жизнь не столь сговорчива, как словарь. Мне кажется, что мы слишком часто тусовались. В Париже на вечеринках можно было встретить лишь лузеров и старпёров. Надо было как можно скорее умерить темпы, если мы не хотим вскоре примкнуть к одной из этих категорий, или же к третьей, самой мерзкой, – категории «бывших».

Грета Гарбо была права. Ведь это она сказала: «Ад – это другие»?

Мы могли бы смотаться в Лондон на выходные. Я бы отдал кошку маме, дабы члены Общества защиты животных не отобрали ее у меня. Я зашел бы за Анной в университет после занятий, сказал бы ей, что приглашаю ее поужинать в окрестностях Парижа, и отвез бы ее в Руасси, как в «Истории „О“»: возвращение в Руасси», не считая того, что с тех пор Руасси превратилось в аэропорт.

В Лондоне я бы обрел новую надежду. Мы бы не пошли осматривать никакие памятники, никакие музеи, никакие галереи и не заглянули бы ни в один ночной клуб, – единственное, зачем бы мы вышли, это чтобы купить

телепрограммку и сигареты для Анны. Мы бы занимались любовью, вдыхая «Chanel № 5», глядя «Channel Four» по ту сторону Channel'a.

В воскресенье утром мы пошли бы на Уголок ораторов в Гайд-парке. Я бы взобрался на какой-нибудь брошенный ящик и начал бы наобум: «Ladies and Gentlemen, Do you see this girl? I'm in love with her!..» Анна была бы готова провалиться сквозь землю от стыда. А эти благовоспитанные господа начали бы интересоваться, не продается ли девушка. Я бы устроил торги, поднимая цену все выше. И они бы отваливали один за другим. У англичан теперь уже не так много денег: экономический кризис.

Часть четвертая. Тихие дни в Нейи

*Лучше то, за что держатся,
чем тот, кто держится.*

Эдуар Баэр

Одни от алкоголя становятся грустными, другие впадают в агрессию. А я становлюсь милым. Стоит мне выпить лишку, и я становлюсь добрым и нежным со всеми, кто ко мне подходит, я люблю их истинной и чистой любовью, равно как и все, что меня окружает: разумеется, мою бутылку, но помимо того – свет, музыку, дым, который ест мне глаза. Обычно я сажусь и погружаюсь в абсолютное молчание; только блаженная улыбка выдает нежность моих чувств.

В такие моменты я говорю себе: со мной может случиться все, что угодно, черт знает какая беда, а мое восхищенное состояние при этом никак не изменится. Я могу сидеть так часами, обхватив руками голову, как старый дремлющий пес (пес, у которого есть руки).

Я это говорю к тому, что мне, конечно же, не стоило настаивать на том, чтобы самому отвезти Анну домой. Я дважды с улыбкой проехал под «кирпич», но догнавшие нас легавые были не слишком улыбочивы. Алкотест оказался красноречив. Анна вернулась домой на такси, а я заночевал в полицейском участке. Это была необычайная ночь, на протяжении которой я встретил невероятных людей, порой с сомнительными судьбами, но которые из всех сил, как в книгах Филиппа Джиана, пытались из всего этого выбраться.

Пока я делился своими размышлениями о супружеской жизни с сокамерниками, одна пожилая, крикливо размалеванная дамочка обратилась ко мне:

– Твоя беда в том, что ты боишься помолчать!

– Что?

– Ну да, уж я-то знаю, ты каждый вечер вытряхиваешь свою подружку из дому, потому что боишься, как бы она тебе поперек горла не встала. Когда живешь вдвоем, обязательно наступит момент, когда вы оба выговоритесь до конца. Не потому, что вам не о чем больше говорить, просто кажется, что между вами все уже сказано. Вот тогда-то вы и

начинаете болтаться по улицам. А вот если бы ты действительно любил свою лялю, тебе хватило бы мозгов не бояться молчания. Без всякого радио или телека. И без мордобоя!

– Ну, это не в моих правилах...

– Да ладно, я же сразу заметила: парень ты видный! Мне-то своего мужика незачем по кабакам таскать, потому как мы с ним душа в душу живем!

– Будет заливать-то, да твоему мужику дырка твоя нужна и ничего больше! (Вмешался какой-то бродяга из общей спальни.)

– Не слушай их, сынок,– прошептала мне тетка,– послушай моего совета: если выдержишь в молчании десять минут, значит, это так – увлечение; если выдержишь час, значит, ты влюблен; а если десять лет выдержишься, значит, это твоя судьба!

Несмотря на грубоватость, в речах этой мамыши с растекшейся по щекам тушью явно была определенная доля здоровой житейской мудрости, которая глубоко запала мне в душу.

И солнце встало, как оно порой делает.

Нет ничего незаменимого: через одного из глумливых паяцев я узнал, что Жан-Жорж гуляет с Викторией.

В тот же вечер, как это часто бывает, я встретил их у государственного министра Б. Жан-Жорж сделал вид, будто ничего не произошло. Виктория же была рада возможности меня подколоть. Мне, наверное, следовало бы взорваться, но то ли я слишком труслив, то ли слишком высокого о себе мнения.

И тогда, в тот же вечер, я отыгрался на Анне, отмочив ей увесистую оплеуху. Хотя такого рода разминка пришлась Анне очень даже по вкусу, ей пришлось немного поругаться для виду. Должен признать, я шлепнул ее не голой рукой, а ударил по ляжкам дневниками Стивена Спендера (издательство «Акт Сюд», 518 страниц, 160 франков).

По этому поводу мне бы хотелось позволить себе небольшое отступление о сравнительных достоинствах различных авторов для подобного применения. Очевидно, что «Рассерженные» и иже с ними будут слишком легки, слишком быстры или же слишком мягки для этого, за исключением, может быть, Дени Тиллинака, идеально подходящего для настоящей крестьянской взбучки; или Мишеля Деона, если речь идет о примерном наказании на ирландский манер. Также следует избегать и кирпичей вроде Сулитцера или Франсуазы Шандернагор, вполне способных оставить на теле некрасивые синяки. Не впадая в противоположную крайность – например, книги издательства «Минюи», то

чересчур колкие, то чересчур сухие,— мы найдем идеал где-то посередине между количественной сагой и торопливыми опусами молодежи. Отсюда следует неоспоримое достоинство книг издательства «Акт Сюд», узкий формат которых удобен, когда берешь книгу в руку и бьешь ею наотмашь по задку: эффектно и не слишком жестоко. Вот вам лишнее подтверждение того, что авангардистские книги представляют собой великолепное орудие наказания.

Я уговорил Жан-Жоржа устроить празднование его дня рождения у него дома. Поскольку его это утомляло, я сам обзвонил всех и пригласил, якобы чтобы сделать «сюрприз» имениннику.

В обеденное время Анна нанесла мне визит. Она всхлипывала, и я подумал, что она пьяна. Она кинулась в мои объятия. Только что умер, ее отец. Она проплакала весь день. Я заставил ее выпить воды и приложил руку к ее пылающему лбу. Глупо, но ничто так не заставляет меня чувствовать себя влюбленным, как вид плачущей женщины. Я могу не дрогнув наблюдать, как исчезают цивилизации, пылают города и взрываются планеты. Но покажите мне слезинку на женской щеке, и вы можете вить из меня веревки. Это проявление моей гебефрении. (Значение слова можете проверить по словарю.)

Тем не менее Анна пришла к Жан-Жоржу, чтобы развеяться. Я был ужасно рад, несмотря на то что опасался их встречи с Викторией. Как обычно, я нашел лазейку из этой ситуации. Находить лазейки-это один из моих многочисленных талантов. Я спец по всякого рода запудриванию: запудриванию следов, запудриванию мозгов... и т. д.

Как отличить настоящих друзей? Настоящие друзья всегда зовут тебя по фамилии. У Жан-Жоржа соберутся все мои лучшие друзья. И в воздухе будет витать сплошное Маронье. Я обожаю нашу компанию: как и у любого собрания близких друзей, у нас нет никаких причин, чтобы встречаться. Одна беспричинность.

«Сюрприз» — день рождения Жан-Жоржа прошел в точности так, как ожидалось: мы перебили и переломали в его доме решительно все. Хрустальные бокалы швырялись о стены «по-русски». Паркет раздолбан каблуками-шпильками. Одно из кресел в стиле Людовика XV развалилось вследствие неумеренного раскачивания на нем последующих поколений. И наконец гвоздь программы: Виктория, въехавшая во двор на тачке и врезавшаяся в небольшой фонтан в виде статуи восемнадцатого века. Это была поистине отличная вечеринка.

Мне только непонятно, почему Анна так преждевременно ушла. То, что она была несколько подавлена горем, я прекрасно понимал. Но какого

черта она даже не попрощалась со мной? Тем не менее все началось так хорошо: на ней было самое восхитительное из ее платьев – облегающее, с круглым вырезом спереди, чтобы можно было любоваться ее пупком и белым животиком. Она была похожа на Нэнси Синатру с обложек старых маминых пластинок. Наше появление было эффектным. Но очень скоро я почувствовал, что что-то не так. Анна меня избегала. Стоило мне подойти к ней, как она тут же начинала разговор с каким-нибудь типом. Я начал пить, не разбавляя. Нас было человек пятьдесят. Из динамиков доносились звуки «Murmur» – лучшего альбома R.E.M.

Тут же нарисовались легавые: на нас жаловалась вся улица. Полицейские не ожидали, что распоясавшаяся ватага увлечет их в гущу праздника, девушки стащат с них форменные фуражки, а в каждую руку им дадут по бутылке шампанского. Они не долго сопротивлялись. По крайней мере, Жан-Жоржу удалось избежать штрафа. Однако какие у нашей полиции аппетиты! Можно подумать, французскую полицию держат на голодном пайке: они умяли два торта, а один из них – я сам видел – распахивал по карманам тонкие сигары.

Виктория и Жан-Жорж много целовались. Глядя на них, я крепче сжимал свой бокал и начинал искать Анну. Она танцевала в соседней комнате. Мне в голову пришла идея: я пошел поменять компакт-диск. Нам не повредит станцевать какой-нибудь медляк: я вставил в проигрыватель «Stand by me». Быть может, она поймет мой тонкий намек.

Но Анна не хотела больше танцевать. Она заявила, что заметила мои маневры с Викторией, что ей все известно и что она ненавидит медленные танцы. Хотя с Викторией я только поздоровался, а она в ответ пожала мне руку. Что я мог сделать? Откровенно говоря, это легкое прикосновение совершенно не стоило того, чтобы поднимать из-за него бучу. Как бы то ни было, я пошел танцевать медляк с Эстель, той самой бывшей подружкой Жан-Жоржа, которую я встретил в Венеции. Она едва держалась на ногах.

После этого Анна исчезла. Что за комедия! Она же пропустила все самое главное. Жан-Жорж въехал в гостиную на белом коне, переодетый в викинга, и ручной пилой разрезал свой именинный торт. Я порезал палец осколком стакана, выдавил капельку крови в бокал и разбавил газировкой: все по очереди отведали моего розового «Тейтингера» высшего сорта, урожая 1975 года. Главред одного модного ежемесячного журнала предложил руку и сердце двум девушкам, которые оказались знакомы между собой, и ему пришлось спешно покинуть вечеринку.

Я скучал по Анне, но, обидевшись, в течение многих часов оттягивал нашу встречу.

«Рита Мицуко» ошибались: любовные истории имеют счастливый конец. Иначе это уже не любовные истории, а романы (или песни «Риты Мицуко»).

Похороны отца Анны: ослепительное солнце, приподнятое настроение, птички щебечут на деревьях. Меня не ждали. Прием был прохладным, слезы – чуть теплыми. Вокруг сплошной бомонд. Отовсюду слышались сдавленные смешки. Анна прошла мимо меня, даже не поздоровавшись. И тогда я протянул ей свой подарок: труп моей кошки, убитой тем же утром из ружья. Все присутствующие были скандализированы. Слишком много смертей для такого чудесного дня. Мой подарок Анна не приняла, но в глазах ее промелькнула благодарность.

Церемония прошла быстро: наверное, священник торопился на поезд или кто-то еще ждал своей очереди лечь в могилу. Я представил себе эту длинную очередь (явно более длинную, чем очередь перед кинотеатром, где люди стоят друг за другом). Я незаметно покинул собрание, чтобы похоронить свою кошку где-нибудь в сторонке. Ее труп начинал смердеть. Я завернул ее в двойной разворот раздела «Экономика» газеты «Монд», а затем собственноручно стал рыть глинистую землю. Много позже я вернулся домой, напевая «Strawberry Fields Forever», и обнаружил там Анну, сидящую на полovice под дверью. Она ждала меня уже час. Насколько я помню, мы не договаривались о встрече. Я спросил, что она здесь делает.

– Я могу войти? – спросила она.

– Зачем? – ответил я. (Три вопроса подряд.)

– Ты что, так меня ненавидишь? (Уже четыре.)

– Ты что, не можешь поговорить прямо здесь? (На десятом вопросе я вкачу ей стендалевский поцелуй.)

– Марк, почему ты такой злой? Что я тебе сделала? Ты уже неделю не показываешься на глаза, а потом строишь из себя клоуна: что ты себе воображаешь? Мне плохо, я думаю о тебе постоянно, как ты этого не понимаешь?

Она задала десять вопросов, и я исполнил обещание, поцеловав ее жадно, взасос. Она плакала, но следует признать: у нее был трудный день. Я предложил ей поехать в Прагу на моей машине. Там была революция. Подарить себе на каникулы революцию – что может придать больше остроты любовным отношениям?

Я вытащил Анну на пустынную площадь Согласия, как в финале «Аравии» (Aden Arable). Она настояла на том, чтобы взять с собой собаку ее отца; из-за этого нас не пустили в «Крийон». После чего я попробовал

пробиться в «Автомобиль Клуб», но там не пускали уже с женщинами... С отчаяния мы отправились обедать в Енисейские сады, в них больше открытости. Тем не менее нам пришлось пройти туда через заднюю калитку.

Франсуа М. здорово нас посмешил. Анна сидела надувшись, опустив голову в тарелку с карпаччо. Жак А. просто валился с ног от усталости. Он ничего не ел. В меню были песочное печенье «Пуалан» и валюта объединенной Европы. Я толкнул ногой под столом Анну, но попал по ноге Франсуа М. Он, очевидно, решил, что это был жест с ее стороны, потому что заговорил с ней об одиночестве верховной власти, одновременно подливая ей в бокал красного вина. Жак А. разлагался прямо на глазах. Метрдотель произвел отвлекающий маневр, пролив на мои кроссовки «Найк» гуакамоль.

Я поднялся из-за стола и отправился в туалет. Усевшись на толчок, я понял, что мой зад посредством этого стульчака соприкасается с задами всех великих людей, которые сидели на нем до меня. Я представил, как они сидели здесь, размышляя о грядущем устройстве мира, как они тянутся за бумагой. Меня преисполнила гордость. После этого я мог умереть спокойно.

Мне вспомнилось, что при Старом Режиме король срал в присутствии своих придворных. И почему только эта традиция не сохранилась до наших дней? Если бы Президент Республики каждый вечер срал в прямом эфире по телевидению, его, без всякого сомнения, уважали бы несколько больше. Я поделился этими размышлениями с Франсуа М., который подавился от смеха. Жак А. похлопал его по спине, и он выплюнул свой гуляш. Анна слегка повеселела: миссия выполнена.

Когда я припарковал свой кабриолет перед отелем «Европа» на Вацлавской площади, была уже полночь. Чехи рассматривали нашу машину. Лишь бы на Анну не пялились. (Чехи пялятся.) Я выключаю газ.

С гидом в руке мы обошли все ночные заведения. Гид – громко сказано: это были клочки бумаги с адресами, выписанными из газет и со слов нескольких друзей-журналистов. В кафе «Славия» мы встретили Вацлава Гавела, который курил джойнт. Наконец-то хоть один серьезный глава государства.

Чешские и словацкие дискотеки наводят тоску. Напоминают зимнюю спортбазу в мертвый сезон. Однако бутылка водки стоит там тридцать франков. Нельзя иметь все сразу. Каждый из нас выпил по одной.

Анна, покачиваясь, шла мимо статуй на Карловом мосту. Я брал ее голову в свои заочневшие ладони и целовал ее в кончик носа, и мы

дрожали от счастья. По реке тихо плыла лодка. У меня замерзли уши. Сидя на парапете, я смотрел на ветер, на звезды и на мерцающий свет уличных фонарей. Анна прижималась ко мне и улыбалась. Я молчал. Нет нужды вам все это описывать.

На следующий день, в четыре часа пополудни, я вышел из гостиницы, чтобы свершить революцию. Площадь была черна от людей. Наблюдая движение истории, я пытался двигаться вместе с нею. Чехи повсюду зажигали свечи в память о жертвах репрессий. Это напомнило мне груды цветов на улице Месье-ле-Пренс, там, где погиб Малик Уссекин. На Западе траур одет в цветы, а вот свечи веры ставятся прямо в грязь. Как долго они могут гореть? В тот момент, когда я об этом подумал, налетел ветер и две свечи погасли.

От революции у меня засосало под ложечкой. Я вернулся в отель. Анна уже сидела в кафетерии, перед ней на столе был приготовлен обильный брэкфаст: черствый хлебец, ломтик ветчины не толще книжной страницы «Плеяды» и чашечка горького кофе. Стоит ли удивляться падению коммунизма!

Я заказал «Пильзен» – лучшее в мире пиво. Не будем огульно критиковать все достижения коллективизма. Разве иметь ошибочные идеалы хуже, чем не иметь их совсем? Анна задавалась этим вопросом.

Прага бесновалась. Никогда раньше такого не видел: радостная манифестация. Да они и сами этому поражались. Они давно отвыкли улыбаться. На улочках Малы Страны Анна ускорила шаг, а потом отпустила мою руку и побежала вместе с пьяной толпой. Мы устроили догонялки вокруг Замка. Я дал ей фору, чтобы полюбоваться, как ее волосы разлетаются при каждом шаге. Несколько раз она чуть было не оторвалась от моей погони, и в те доли секунды, когда она скрывалась из виду, я почувствовал, насколько моя жизнь была бы пуста без нее. Даже эта революция не могла бы заменить ту, что творилась во мне.

Отель «Европа» считается лучшим в Праге. Какими же тогда должны быть остальные? Ванна черная, простыни явно были совсем недавно использованы, а персонал отличался редкостной недоброжелательностью. Надо бы вернуться сюда через несколько месяцев и сравнить. С этой точки зрения могло бы выйти неплохое исследование «О результатах влияния восточноевропейских революций на качество обслуживания в гостиницах-люкс». И куда только смотрят ученые?

Анна хотела поменять деньги в банке, но я ее отговорил: курс на черном рынке гораздо более выгодный. Я подошел на улице к одному чеху, но он не внял моим просьбам. Вместо этого он указал мне место, где

проводятся такого рода сделки. Через минуту мы повстречались с одним очаровательным местным жителем, который поменял Аннины деньги по более чем щедрому курсу. Я торжествовал. Однако мой триумф оказался недолгим, поскольку Анна, пересчитав купюры, обнаружила, что мил-человек вручил нам пачку туалетной бумаги, прикрытой сверху лишь одной-единственной купюрой. Разумеется, тем временем этот тип куда-то испарился. Несмотря ни на что, я объяснил Анне, что эта бумага еще может пригодиться нам в отеле. Кто знает. Кроме того, кафкианская сторона этого приключения очевидна. А разве великий Франц не был уроженцем Праги? Все это будет нам отличным воспоминанием, когда мы вернемся в Париж, сказал я ей, возмещая сумму, которую она из-за меня потеряла. Потом мы пошли напиваться, особенно я.

Прага – самый красивый город в мире после Биаррица. Это Венеция без общих мест, Рим без итальянцев, Париж без приятелей. Один недостаток: очень уж холодно. Нам повезло пережить там великие моменты горячей людской солидарности. Демократизация в какой-то мере послужила нам обогревателем.

Бродя в толпе, я подытоживал собственное положение: в тот момент я вовсю открывал для себя большую любовь, как жители Праги открывали для себя свободу. Впервые в жизни я чувствовал, что женщина может быть для тебя не только тюрьмой. Этому способствовала и обстановка. В то время как Вацлав Гавел воплощал в себе путь выхода из тоталитаризма, Анна казалась мне антидотом против супружеской скуки. Я снова ощущал свою созвучность окружающему миру. Пиво лилось рекой, я сжимал Анну в своих объятиях и благословлял революцию. Люди начинали разговаривать друг с другом, головы начинали кружиться, женщины-раздеваться. Я старался ничего не упустить: любое воспитание чувств, возможно, предполагает наличие вокруг революции. У Фредерика Моро это была революция 1848 года, Марк Маронье подбирал то, что ему осталось.

Часть пятая. От пустоши до буквы

*Я никогда не мог смотреть
на плечи молодой женщины,
чтобы у меня не возникла
мысль создать с ней семью.*

Валери Ларбо

*Каждый посту-, поступает
Как он знает, знает, знает.*

Chagrin d'amour

Для меня нет ничего более мучительного, чем описания. Я задаюсь вопросом: а зачем они вообще нужны? К чему объяснять, что в Ниме голубое небо, что пасти холодный, что сверчки шуршат, а арены полны окровавленных быков?

Мы приехали сюда на свадьбу Жан-Жоржа и Виктории, но это еще не повод, чтобы лишать себя посещения корриды. Анна грызет миндаль, и бык опускает голову. Анна поправляет прическу, и тореро хочет выжить. Анна закрывает глаза, и убийство совершается. Анна машет платком, и распорядитель корриды награждает тореро двумя ушами. Анна массирует мне затылок: от попыток уследить за обоими зрелищами сразу у меня разболелась шея.

Занятие любовью в грязи не лишено приятности, к тому же полезно для кожи. Я называю это «одним ударом убить двух зайцев». Хочу поблагодарить вечернюю грозу, без которой все это было бы невозможно, а также тучи, домик отца Анны, в котором мы укрылись, и всю команду дождевых луж. Вдобавок я благодарю отца Анны за то, что он любезно скончался в начале лета, дабы мы могли воспользоваться его загородным домом.

Анна безумно обожает все, что тает: шоколадное мороженое в жару, меня, когда во мне просыпается нежность. И как перед ней устоишь? Она лузгает семечки под синим небом. Испанцы называют их «píras». Это слово написано на пакетике, вызывая у меня забавные фантазии. Мы загораем и то и дело наполняем собой бассейн. Я счастлив; ну что ж, тем не

менее я пытаюсь писать. Цикады трещат как маракасы.

В комнате пахнет чесночным соусом «айоли», оливковым маслом на салатных листьях и маслом «Монои» на женских грудях. Мы слушаем компакт-диски. Ненавижу компакт-диски. Они никогда не заезживаются. Они стерилизуют музыку. Слушать лазерный диск – все равно что трахаться в презервативе. Безопасно. Джи-ми Хендрикс вовремя умер.

Любой, кто хочет мало-мальски понять общество, непременно должен часок посидеть с блокнотом и ручкой на краю танцпола в ночном клубе. Тут есть все: и классовые взаимоотношения, и способы соблазнения, и кризисы культурного (или сексуального) самоопределения, и групповая терапия. Всякий социолог, не изучивший вдоль и поперек ночную жизнь больших столиц, не достоин своего звания. Впрочем, для того чтобы экзамены по социологии хоть сколько-нибудь отражали реальные познания, они должны были бы проходить в Баладжо.

Это был краткий обзор теорий, которые я излагал вчера вечером в «Скатоле», небольшом курортном заведении в Порт-Камарг, где мы провели восхитительно банальный вечер. Обожаю курортные заведения: они успокаивают мой противоречивый разум. Когда на улице дождь, в них можно встретить кого угодно. В то время как в хорошую погоду только настоящим прожигателям жизни хватает безумия сидеть в четырех стенах. Что и требовалось доказать.

Это не единственная причина моего пристрастия к курортным ночным клубам. Помимо финансового аргумента (за стоимость одной бутылки можно было бы купить для одного себя целый бар), существует и такая очевидная вещь: все девушки красивы, когда они загорелые. Особенно толстушки. Если б я был некрасивой женщиной, то поселился бы на Лазурном берегу и сбрасывал вес на дискотеках под открытым небом.

Вчера вечером в «Скатоле» были одни супермодели. Какие красотки! Больше всего я обожаю это желание уйти куда-нибудь с незнакомкой, которое возникает у меня в такие моменты и которому я никогда не поддаюсь. Меня удовлетворяет уже само наличие этого психологического комплекса. Я безвольный искатель приключений, мягкотелый романтик, неудавшийся Ромео, трусливый пораженец, испуганный дезертир. Мне нравятся только фальшстарты.

Одно меня мучает: о чем мечтают эти красивые девчонки, сидящие между бородатым продавцом футболок и дебильторожим роллером? И как только они могут общаться, вращаться и сообщаться с этими подонками? Поскольку я отказываюсь поверить в их глупость (глупая девчонка не может быть красивой), мне приходится задать себе вопрос: НЕУЖЕЛИ

ОНИ ПОТЕРЯЛИ ВСЯКУЮ НАДЕЖДУ?

Я не люблю танцевать, потому что не умею. А девчонки умеют, инстинктивно. Развевающиеся волосы, колыхающиеся руки, порхающие ресницы. Зашнурованные ботиночки, платья с глубоким вырезом, темные колготки. Они меня убивают. Я потерял очки, а близорукость делает меня оптимистом. Туман становится не просто живописным, он заставляет меня воскреснуть в мире живых. К чему глотать грибы-галлюциногены: достаточно потерять очки, чтобы увидеть жизнь в розовом свете.

А потом ко мне присоединяется Анна, прерывая эти догадки стаканом джин-тоника. Ничего не поделаешь – она затмевает всех. На ней льняное платье нежно-розового цвета. Я робко возвращаюсь в детство, в котором остались баскские игры в пелоту, соленый запах, расписание приливов-отливов, ярмарочные гуляния перед фронтоном, леденцовые карамельки в кафе «Вента», гортензии на площади Поль-Жана-Туле, черный гудрон на белых холщовых туфлях... Я всегда буду возвращаться в Страну Басков, как пелота возвращается в чистеру. Когда-нибудь я привезу Анну в Гетари.

В жизни бывает только одна большая любовь, все предшествующие ей любви – лишь проба пера, а все последующие – намерстывание упущенного; любовь – это теперь или никогда.

В этом старом доме я живу теперь с Анной постоянно, мы редко выходим.

Здесь я понял, что все наши трагедии происходили оттого, что мы выходили из дома. Внешний мир – для нас ад, а те, кто в нем бродят, – заблудшие тени. Паскаль прав: «Все горе людей происходит лишь оттого, что они не могут спокойно сидеть в одной комнате». Нет ничего прекраснее, чем запереться наедине с любимой женщиной. Больше всего на свете я обожаю по вечерам чистить зубы рядом с Анной, по утрам находить ее колготки на спинке своего стула, а днем ходить вместе с ней за покупками. Никакой фальшивый сентиментализм не может сравниться с чувством, переполняющим меня, когда Анна в кухне напевает за чисткой картошки. Никакой порнофильм не возбуждает так, как когда я вижу ее в ванной с глазами, полными шампуня.

Альбер Коэн ошибался: любовь убивают не звуки смывного бачка. Ее убивает страх перед скукой, который превращает наши пламенные мечты в отфильтрованные кондиционером кошмары. На самом деле звуки смывного бачка убивают эту скуку, равно как и запахи поджаренного хлеба, и старые летние фотографии, и забытые на ночном столике браслеты, и дурацкая записка в кармане пиджака, от которой слезы наворачиваются на глаза. Лучшее лекарство против повседневности-это культ повседневности во

всей ее изменчивости.

Мужчины боятся супружеской жизни по одной-единственной причине: страх перед рутинной. Этот страх скрывает под собой другой – страх моногамии. Эти парни никак не способны предположить, что могут всю жизнь прожить с одной женщиной. Решение здесь очень простое: надо, чтобы она была одновременно серой мышкой и путаной, женщиной-вамп и лолитой, секс-бомбой и испуганной девственницей, сиделкой и больной.

Если женщина вашей жизни имеет бесчисленные воплощения, зачем вам идти на сторону? И тогда ваша повседневная жизнь перестанет быть жизнью каждодневной.

Я смотрю на Анну, и что же я вижу? По утрам это зрелая женщина, растрепанная, с хриловатым голосом, которая умывается, слушая радио. Десять минут спустя это уже другая: нежная подруга, которая сплевывает вишневые косточки в окно. Снова в кровати: Анна уже третья – чувственная, пылающая плоть. И так далее. За одно утро я знакомлюсь с двумя десятками разных женщин от примерной маленькой девочки, которая смотрит телевизор, жуя жвачку за оттопыренной щекой, до вульгарной секретарши, полирующей ногти у телефона, а между ними – депрессивная истеричка, которая умирает от беспокойства, неподвижно глядя в потолок, и романтическая любовница. И как я могу, скажите на милость, от этого устать? Не нужно придумывать никаких обманов, запутанных уловок и стратегий, чтобы заставить мою любовь разгореться с новой силой: Анна – это целый гарем в одном лице.

Сегодня утром произошло нечто странное: я убил Анну. Она мыла посуду, а я вошел в кухню с ружьем в руке. Она мне улыбнулась и сказала, чтобы я прекратил дурачиться, что это опасно, но я заставил ее замолчать, ударив прикладом в висок. Сбитая с толку, она упала на каменный пол, так что я успел зарядить винтовку и выстрелить ей в живот. Она не долго кричала: другая пуля попала в голову. После выстрела я рухнул на колени от боли. Господи Иисусе, что на меня нашло? Сердце мое разрывалось, я укокошил мою единственную любовь и теперь был над ее распростертым телом. Наконец впервые в жизни меня постигло Горе...

То, что я только что тут наговорил, – совершенная ложь. Анна жива и здорова, вот она несет мне кофе. Мы будем жить вечно и счастливо, и у нас будет много детей, которые будут резвиться, обдирать коленки на скалистых пляжах в Бидаре, потом возмужают и будут сдавать напрокат лодки. Анна с улыбкой обратила на меня два синих моря своих глаз, ибо прочла мои мысли.

Влюбленный прожигатель жизни – это человек, который готов вот-вот

перевернуть страницу. Но как быть, если эта страница последняя?

Моссан-лез-Альпий, июнь 1990